

12

1979

ISSN 0130-6375

ДЕКАБРЬ * 1979

год издания XXIII

ЕЖЕМЕСЯЧНИК
гидротехнической
и лесной техники,
специализация
Объединения
В.И.С.И.,
Ленинградского
Союза
инженеров
и архитекторов
и т.д.

Людмила ФАДЕЕВА

Ё Л К А

Сколько у ёлки крыльев!
— Ёлка, давай летать! —
Звали птицы, манили,
Но ёлка осталась стоять.
Спросила:
— А зайцы как же? Медведи? И Новый год?
А девочка,
что однажды
в гости ко мне придёт?
Не всем же в небо взвизгаться,
где звёзды сияют во мгле,
надо ж кому-то остаться
с крыльями
и на земле.

Рис. Л. Коломейцевой

ТЁМНАЯ КОМНАТА

Верёвка пошла, и скоро я с облегчением ступил на твёрдый асфальт и с трудом развязал узлы. Верёвка поползла вверх и, мотнув растрёпанным кончиком, скрылась на крыше.

Окончание. Начало в «Искорке» № 9, 10, 11.

Я не успел ещё отдышаться, как прибежал Гага.

— Да... промахнулись немножко! — сказал он.

Как всегда — всё уже знал!

— А хоть чуть-чуть... заглянуть в ту комнату не удалось? — с надеждой спросил Ок.

— Если бы у меня была шея, как у жирафа, тогда, может быть, и заглянул бы! — со злобой сказал я.

— Ну ладно, — сказал Гага, — короткий отдых! Всё-таки праздник сегодня.

Мы вышли со двора, добежали до Летнего сада, и там, стоя на парапете, руками держась за решётки, смотрели, как по набережной идёт современная техника: танки-амфибии, зачехлённые огромные ракеты на специальных автоприцепах, потом пушки с толстым, высоко поднятым дулом. Стоял грохот всё дребезжало, когда мимо нас шла очередная колонна: Гага что-то пытался мне говорить, но только открывал рот — ни слова не было слышно!

Потом, когда парад прошёл, мы вернулись во двор и разошлись по домам: я знал, что бабушка печёт мои любимые пирожки с маком.

Когда я пришёл домой, бабушка, возбуждённая и даже какая-то радостная, ходила по комнате, а у окна стоял наш квартуполномоченный милиционер Сидоров.

— Что произошло? — находясь ещё в весёлом настроении, спросил я.

— Обокрасть нас хотели! — сказала бабушка, почему-то торжествуя.

— Как?

— Так! Через окно взлезть хотели! — сказала бабушка. — Да не получилось. Меня, наверно, увидали, испугались! Это что! Помню, давно в городе «попрыгунчики» орудовали,

подпрыгивали на пружинах и забирались в какое хотели окно. Вот те действительно были ловкачи!

Бабушка возбуждённо заходила по комнате.

— А это так, балбесы какие-то! — сказала она. — Хотели было залезть, да не залезли!

Я был потрясён. Вот это новосты!

— Вообще отпечатки пальцев на стекле с той стороны похожи на детские, — обращаясь к бабушке, проговорил Сидоров. — Впрочем, квартирные воры используют детей. Дети влезают в форточки, а потом отпирают им дверь. Так что картина довольно типичная! Придётся нам за вашим домом установить наблюдение!

Вот это события!

Не утерпев, я побежал к Гаге делиться этой новостью.

Гага выслушал меня спокойно.

— Ну и ты думаешь — откуда эти воры взялись? — иронически усмехаясь, спросил он.

— Неужели... из тёмной комнаты?

— Разумеется! — сказал Гага. — Проникают каким-то образом в ту комнату, а оттуда уже рукой подать до любого окна.

— Представляешь, и какие-то ребята с ними! Сидоров сказал, что отпечатки пальцев на стекле похожи на детские!

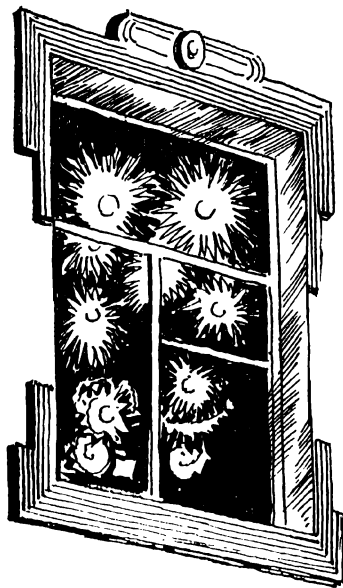
— Ладно! Разберёмся, — спокойно сказал Гага.

Я пошёл домой, продолжая думать об этом деле.

«Да! Ловко придумали преступники! Проникли в пустую тёмную комнату, обосновались там и оттуда обшаривают соседние квартиры! Ловко! Да ещё детей вовлекают! — Я всё не мог успокоиться, ходил по комнате. — Ну, скоро придёт этому конец! Скоро мы с Гагой разберёмся с таинственной этой комнатой!»

Потом вдруг в мозгу у меня всё чаще стала всплывать фраза, сказанная Сидоровым: «Отпечатки пальцев... похожи на детские». «Ну и что?» — отвечал я. И снова появлялось: «...похожи... на детские».

И вдруг я остановился. Всё осветило как будто молнией! Я понял вдруг, чьи это детские отпечатки! Мои! Когда я болтался подвешенный у моего окна, я несколько раз ткнул рукой в стекло, надеясь, вдруг окно откроется и я попаду к себе домой! Отсюда и отпечатки — мои собственные! И надо же, из-за этого теперь открылось целое дело, пришёл милиционер, установили даже наблюдение за нашим домом! А вдруг бы он узнал, что это я был с той стороны стекла?!! Да-а... Дурацкая история! Только под руководством такого человека, как Гага, может произойти что-то подобное! Всё! Хватит! Сколько раз я клялся не иметь с ним никаких дел и всякий раз опять попадался! Но всё. Этот спуск на верёвке, от которого, кстати, до сих пор ломит руку и шею, этот спуск, точно, будет

последним делом, которым я занимался вместе с Гагой!

Придя в расстройство от своей невезучести, я лёг на диван и неподвижно пролежал на нём до темноты.

Было уже совсем темно, я спал, как вдруг меня разбудили отчаянные звонки.

Потом в комнате возле меня оказался красный, взъерошенный Гага. Его обычное хладнокровие исчезло. Глаза сверкали, рука, которой он всё время поправлял причёску, дрожала.

— Свет... в том окне! — тяжело дыша, проговорил он.

Я подскочил на диване, потом быстро оделся, и мы выбежали во двор.

Мы задрали головы, но видно было плохо. Тогда мы быстро пошли в конец двора — отсюда окна третьего этажа были видны хорошо.

Во всех окнах ярко горел свет, только одно то окно —

было тёмным. Дождь капал на наши разгорячённые лица.

— Сейчас! — прошептал Гага.

И тут, замерев, мы увидели, как в глубине той комнаты появился маленький красный дрожащий огонёк. Но вот он, так же дрожа, стал наливаясь, разрастаться. Рядом с ним, с некоторым опозданием, росли ещё два огня — жёлтый и зелёный. Вот они разгорелись очень ярко, и мы — впервые! — увидели ту комнату! — вернее, часть её: кусок стены и потолок! Потом огни стали блекнуть, и в комнате снова стало темно. Довольно долго мы ждали, стоя у стены, и снова в той комнате появились странные огни — не похожие ни на лампы, ни на свечи. Это было что-то совсем другое! Это повторилось раз десять.

— Надо срочно туда! — прошептал я.

Мы вбежали на чердак, вылезли на крышу. Перевязали верёвку на другую трубу, чтобы снова не оказаться в моём окне, чтобы на этот раз уже точно спуститься к загадочному окну!

— Я спущусь! — схватился за конец верёвки Гага.

— Нет, я! У меня уже есть опыт, а сейчас время терять нельзя!

Любой ценой мне самому хотелось проникнуть в тайну замурованной комнаты и непонятных огней!

Я быстро обвязался верёвкой и ногами вперёд слез с крыши.

Оттого, что я слез с крыши

быстро, почти спрыгнул, я стал вдруг раскачиваться взад-вперёд и никак не мог остановить это раскачивание! В окне четвёртого этажа, мимо которого я спускался, всё было другое, не такое как в прошлый раз. Значит, другое окно, значит, я спускаюсь теперь верно!

Потом я долго видел перед носом тёмную стену, между этажами, потом под ногой появилась впадина — то окно!

Я опускался медленно, стараясь не качаться, и точно, встал ногами на край подоконника! Быстро отпустив верёвку, я ухватился пальцами за раму и стал смотреть внутрь комнаты.

В комнате сейчас был ровный тёмно-красный свет, и, кроме этого света, я сначала не видел ничего другого. Потом, прижавшись лбом к стек-

лу, я разглядел, что в комнате никого нет, и посередине её стоит большой старинный стол, а у стола кресло с высокой спинкой.

Вдруг прямо из стены вышел человек. Он повернулся лицом к окну. От страха я чуть было не отпустил раму — лицо его до самых глаз было скрыто чёрной повязкой!

Не заметив меня, он подошёл к столу, поставил на него медную ступку с пестиком, которую принёс с собой, потом высыпал в неё что-то из маленькой железной коробочки и стал толочь!

Что-то было в нём знакомое, но что — я не мог вспомнить. И вдруг я узнал его, даже сквозь повязку! Кочегар, тот самый, который стерёг подземный ход, оказался сейчас в этой замурованной комнате.

Мне стало страшно, я захотел быстрее слезть с окна, спуститься во двор, но от дождя подоконник стал мокрым, я поскользнулся, и, едва успев поднять локти перед лицом для защиты, с грохотом и звоном стекла ввалился в комнату. Вернее, только наполовину ввалился, до пояса, а остальная моя часть висела над бездной. Животом я лежал на раме.

Кочегар оцепенел. Кто бы он ни был, моё появление, безусловно, его потрясло! Он, наверное, решил, что в комнату влетел знаменитый «попрыгунчик»!

— Что вы тут делаете? — от растерянности спросил я.

Для человека, ввалившегося в окно, вопрос этот, как сразу

же я понял, был довольно нахальным. К тому же я вдруг безудержно начал чихать. Я чихал, лёжа животом на подоконнике, а из глаз моих текли слёзы...

— Как что? Перец толку! — растерянно сказал кочегар. Он показал внутренность ступки, потом для чего-то снял с лица повязку и тоже вместе со мной начал чихать.

К тому времени я разглядел уже и комнату, и дверь (просто она была в боковой стене и открывалась наружу, поэтому я её и не заметил), и диван, и шкаф с книгами, и тёмно-красную лампу в углу!

Ясно! Снова ошибка! Вместо той комнаты я ввалился в комнату кочегара!

К тому же я вдруг вспомнил, что за домом установлено наблюдение милиции, как раз следят за залезаниями в окна... и конечно же, меня уже успели заметить! Все ужасные последствия моего поступка мгновенно пронеслись в моём мозгу. Конечно же, никто не поверит, что я влез в чью-то комнату с чисто научными целями, конечно, все подумают, что я залез воровать! Всё пропало!

Хотя бы это чиханье не кончилось как можно дольше! Я согласен лежать на подоконнике хоть год, лишь бы события не развивались дальше!

— Так зачем ты ко мне забрался? — чихая и вытирая слёзы со щёк, проговорил кочегар.

— Я не к вам... я по соседству! — чихая, проговорил я.

— Постой, постой! — проговорил он. — Это ты вроде со своим дружкой через кочегарку мою куда-то лазил?

Я кивнул.

— А сейчас куда лезешь? — спросил он.

— Я не к вам! — Трудно было говорить чихая. — Я... по соседству!

— Куда это?

— В соседнюю комнату... замурованную... — проговорил я.

— А разве... такая есть? — удивился кочегар.

— Ну да. Рядом с вашим окном... замурованная комната. Входа в неё ниоткуда нет. И свет в ней никогда не горит.

— Да? Постой-ка!

Кочегар попытался втащить меня в комнату, но ничего у него не вышло — верёвка не пускала.

— Ну а сегодня, — торча в окне, разглагольствовал я, — вдруг увидели там какой-то свет! Какие-то разноцветные огни — появляются, разгорятся — потом исчезнут!

— Разноцветные? — заинтересовался кочегар. — Когда это было?

— Да только что! Только что перед этим, как я к вам... упал, — сказал я.

— Разноцветные! Да это же салют! — сказал кочегар. — Со двора его не видно, а в стёклах третьего этажа он отражается.

— Да? А почему же в остальных окнах он не отражался, только в том?

— Потому что в остальных комнатах свет горел! — сказал он. — Только это тёмное было!

«Точно! — понял я. — Конечно, это в тёмном окне отражался салют, и только под влиянием Гаги можно было вообразить „загадочные огни“!»!

— Извините! — свободной рукой я приподнял кепку и хотел «выйти».

— Постой! — сказал кочегар.

Он с трудом развязал верёвку на моём животе, втащил меня в комнату.

— А вообще, вы правильно всё понимаете, — неожиданно сказал он. — Это только дураки думают, что всё давно известно и нечего больше выяснять. На самом деле, если, скажем, весь мир представить, как дом, то всегда в нём есть хотя бы одна замурованная комната, куда люди стремятся проникнуть, чтобы узнать, что там!

— Откуда вы это знаете? — вспомнив о прежних наших подозрениях, спросил я.

— Так я же философ, — сказал кочегар. — Кочегаром я так, подрабатываю, а на самом деле на философском факультете в университете учусь. А в комнату вашу замурованную мы обязательно с вами проникнем!

— Когда?

— Думаю, завтра, — сказал он.

Тут вдруг раздался звон и грохот, и через вторую половину окна в комнату ввалился Гага.

— Вот. Теперь, кажется, все в сборе, — сказал кочегар.

В октябрьском номере журнала за этот год мы рассказали нашим читателям о том, как был напечатан первый номер ленинской газеты «Искра».

«Искра», номер за номером, выходила за границу. А её нужно было доставлять в Россию, распространять среди рабочих, крестьян, солдат...

Много рассказов и повестей написано о большевиках-искровцах, о том, как, рискуя свободой и жизнью, провозили они через кордоны ленинскую газету. Сегодня мы предлагаем нашим читателям рассказ Андрея Зверинцева «Магазин на Арбате», в нём — несколько эпизодов из жизни выдающихся революционеров — Николая Баумана и Виктора Ногина.

Андрей ЗВЕРИНЦЕВ

Магазин на Арбате

I

Паровоз зашипел, со свистом выпустил мощную струю пара и остановился.

— Вот мы и дома, — весело сказал Ногин, шагнув из тамбура на перрон.

Он опустил красивый немецкой работы чемодан. Огляделся.

— Ну, здравствуй, Москва белокаменная!

На перроне было шумно, многолюдно, суетливо. Мимо в белых передниках с бляхами на груди протискивались в вагон носильщики.

Мелькнула в толпе фуражка городского и исчезла, растворилась среди женских шляпок, мужских картузов, заграничных котелков.

Ногин чуть постоял, поднял чемодан и смешался с людским потоком, который медленно повлёк его к выходу.

Переждав небольшую очередь, он сдал чемодан в камеру хранения и отправился разыскивать нужный

ему магазин в той части Москвы, которая называлась Арбатом. Здесь, в Москве, он был уже не Ногин и не Новосёлов, как в Лондоне и Мюнхене, а Яблочков.

Побродив по улицам и переулкам Арбата, Ногин, то есть теперь уже Яблочков, наконец отыскал небольшой магазинчик и уверенно вошёл в тесное полутёмное помещение.

В магазине пахло кожей, сапожной ваксой... На полках стояли сумки, портфели, висели ремни, гимназические фуражки, клеёчатые передники. На прилавке под стеклом сияли начищенные медные пряжки с двуглавыми орлами, всяких размеров латунные пуговицы, лежали пучки свиной щетины, щётки и щёточки, мотки верёвок, гвозди...

Но самым неожиданным оказался зелёный попугай в клетке.

Попугай неподвижно восседал на тоненькой жёрдочке и, казалось, спал.

Яблочков засмотрелся на попугая.

Словно почувствовав взгляд, попугай поднял веко и круглым зрачком уставился на дерзкого пришельца.

«Странная птица», — подумал Яблочков и повернулся к продавцу.

У продавца, толстого веснушчатого парня, по-видимому, болели зубы. Щека была повязана большим чёрным платком. Концы платка, завязанного на темени, торчали, как заячьи уши.

«Попугай, чёрная повязка,— усмехнулся Яблочков.— Прямо таинственный остров какой-то»,— и, чуть наклонившись к продавцу, вежливо спросил:

— Могу я видеть Устинью Яковлевну Топову?

Неожиданно раздался какой-то странный скрежет. Это смеялся попугай.

— Минуточку,— сказал продавец.— Минуточку...

Он потрогал больную щеку, погрозил попугаю пальцем и скрылся во внутреннем помещении.

Попугай перестал сотрясаться от смеха и, казалось, снова уснул.

— Как зовут тебя, птица? — спросил Яблочков попугая.

— Карлуша,— сказал попугай.— Карлуша, Карлуша...

— Вот молодец! — воскликнул Яблочков. Он не ожидал, что попугай говорящий.— Ай да Карлуша!

— Денежку дай Карлуше,— опять сказал попугай.— Карлуше... Карлуше...

— С денежками у меня, брат, у самого туго,— засмеялся Яблочков, роясь в карманах.— Нету денег, брат... Ау.

— Устинья Яковлевна просит вас,— сказал продавец, появившись из внутренних комнат, и опять погрозил Карлуше:

— Хитрый жук этот Карлуша.

— Здравствуйте,— сказал Яблочков, войдя в маленькую с большим зарешёченным окном комнатку, которую ему указал продавец.

За столом перед раскрытой бухгалтерской книгой сидела средних лет женщина в очках и что-то записывала.

Она поднялась из-за стола и протянула гостью руку.

— Здравствуйте,— сказала она.— Слушаю вас.

Как было условлено, Яблочков сказал:

— Мне нужен Доноди.

Женщина ничего не ответила на вопрос.

— Садитесь, пожалуйста,— предложила она.— Может, хотите чаю?

— От чая не откажусь,— согласился Яблочков и присел к столу.

II

Департамент полиции — Московскому охранному отделению
Весьма срочно!

По достоверным данным Андропов и Ногин выехали из-за границы в Россию. Должны теперь находиться в Москве. Примите тщательные меры к выявлению и учредите неотступное секретное наблюдение.

III

Явку к Доноди дал Ногину Владимир Ильич.

За те несколько дней в Мюнхене Ногин многое узнал.

Ульянов показал ему письмо от московского представителя «Искры». Письмо было подписано: «Ваш Макс». Ногин уже знал, что за этим именем скрывается известный революционер Николай Эрнестович Бауман. Он же — Грач.

В своём письме Ульянову Бауман сообщал адрес, по которому искровские агенты могут найти его в Москве.

Бауман писал:

«Вот адрес для явки ко мне: Арбат, магазин Келер, спросить Устинью Яковлевну Топову, а у неё спросить Доноди».

На самом же деле письмо Баумана было написано не буквами, а цифрами. И прочесть его стало возможно лишь после того, как с ним поработала секретарь «Искры» Надежда Константиновна Крупская.

На прощанье Владимир Ильич и Надежда Константиновна наставляли Ногина:

— Берегите себя. Чаще меняйте квартиры, паспорта... И помните, что главное сейчас для сплочения рабочих с революционерами в единую партию — это широкое распространение «Искры» в России. Наша с вами задача — сделать так, чтобы «Искру» читали на каждом заводе, на каждой фабрике, в шахтах, в железнодорожных депо,

в мастерских. Надо, чтобы её читали солдаты в армии, крестьяне в деревне.

Ульянов крепко обнял его на прощанье.

Как и было условлено с Устиной Яковлевной, Яблочков в назначенный час пришёл в сквер у Ильинских ворот и, помахивая газетой, стал прогуливаться возле памятника русским гренадёрам.

Газета у него в руках была свёрнута в трубочку. Но не просто свёрнута, а так, чтобы можно было прочесть её название. Устинья Яковлевна строго предупредила, чтобы это были обязательно «Московские ведомости». Только в этом случае к нему подойдёт человек, для встречи с которым он и приехал в Москву с чемоданом, в котором была «Искра».

Был жаркий июльский день.

Невдалеке от памятника на скамейке сидел мужичок в розовой рубаше с косым воротом. Мужичок играл на гармошке. Возле него стояли две босые девчонки в длинных юбках и грызли семечки.

Мужичок играл весёлые песни. Временами он наклонял голову к самой гармошке, закрывал глаза и залихватски пел:

*Ка-анфетки, бар-а-аночки...
Словно лебеди са-аночки...*

Девчонки смеялись и хлопали в ладоши.

Яблочков засмотрелся на гармониста и не заметил, как к нему подошёл молодой светловолосый человек с небольшой рыжеватой бородкой.

— Жарко, не правда ли? — спросил он Яблочкова.

Яблочков на какое-то мгновение растерялся.

— А что нового пишут «Московские ведомости»? — Человек кивнул на свёрнутую трубочкой газету.

«Ну, слава богу, свои», — успокоился Яблочков.

— Здравствуйте, — сказал он и представился.

— А меня зовите: Николай Петрович Орлов, — приветливо улыбнулся незнакомец.

— Понятно, товарищ Орлов, — кивнул Яблочков.

— А вот слово «товарищ» как раз употреблять и не надо, — поправил его Орлов. — Просто Николай Петрович Орлов, и всё.. А теперь пойдёмте-ка погуляем. У нас есть о чём с вами поговорить.

И молодые люди пошли по аллее.

Пекло солнце. Прогуливались мамыши с детьми. Где-то за кустами всё ещё наигрывал свой мотив гармонист. Хлопали в ладоши девчонки.

— Есть что-нибудь от Петрова? — спросил Орлов.

— Чемодан, — сказал Яблочков. — Надо получить на вокзале.

— Плохо, что на вокзале, — опечалился Орлов. — А вот что привезли — это хорошо. У нас здесь такая нужда в чае...

— В чае? — Яблочков даже остановился от неожиданности. — В каком таком чае?

Ему вдруг пришла в голову мысль, что, может быть, он встретился вовсе не с тем человеком! Очень странным ему показались и таинственный Карлуша в магазине, и продавец с чёрной повязкой. А ну как попал не к тем людям?!

— Да нет... Не волнуйтесь, — заулыбался Николай Петрович. — Просто мы здесь у себя, да и в переписке, частенько «Искру» называем «чаем»... А вы уж подумали невесть что? Признавайтесь...

— Немножко испугался... Верно, — признался Яблочков.

— Кстати, камерой хранения больше пользоваться не надо. Есть подозрения, там усилили слежку... На днях мы с вами это проверим. А пока придётся поехать на вокзал и во что бы то ни стало получить ваш багаж, — задумчиво сказал Орлов.

Так вот он какой, этот Николай Бауман — Грач. Решительный и осторожный одновременно. Настоящий революционер. Успел уже и за границей поработать. И в Петропавловской крепости чуть ли не два года просидел. В страшном Трубецком бастионе... Да. У такого человека есть чему поучиться... Так думал Яблочков, идя по аллее рядом с Орловым.

IV

Во второй половине дня Грач и Яблочков поехали на вокзал, где

в камере хранения лежал чемодан с «Искрой».

К удивлению Ногина, они пошли не в багажное отделение, а в зал ожиданий. Остановились у расписания поездов дальнего следования. Оказалось, что Грачу зачем-то понадобилось установить время прибытия поездов из-за границы.

— Восемнадцатый сорок семь. Из Берлина. Устраивает? — спросил он Яблочкова.

— Я не очень понимаю, зачем нам этот поезд... — удивился Яблочков.

— Очень просто, — сказал Грач. — Когда приходит этот поезд, вся привокзальная жандармская рать выкатывается на перрон. Встречать нашего брата. Это самое удобное время заполучить ваш чемодан обратно.

— Понимаю... — кивнул Яблочков. — Но до поезда ещё целых четыре часа...

— Поэтому надо торопиться, — сказал Бауман.

— Торопиться? Зачем?

— Конечно, торопиться, — подтвердил Бауман. И вздохнул. — Дорогой вы мой человек! Москва — не Лондон, не Берлин, не Женева. Тут смотри и смотри в оба. Иначе попадёшься как миленький. А нам с вами попадаться никак нельзя. Ильич ждёт от нас большой работы.

Бауман взял Ногина под руку и повёл к выходу.

— Сейчас вы перейдёте вокзальную площадь и будете ждать меня у ларька, где продают тульские пряники. А мне надо кое-что выяснить о вашем чемодане.

Ногин неторопливо обошёл площадь. Остановился у ларька и стал рассматривать расписные пряники за стеклом.

Грач появился минут через двадцать.

— Как я и думал, ваш чемодан уже на учёте — на особой полке. Багажному мастеру строжайше запрещено возвращать такие чемоданы без разрешения дежурного сыщика. В таких случаях за хо-

зияном чемодана либо устанавливают проследжку, либо берут сразу при предъявлении багажной квитанции...

— Что же делать?

— Попробуем подменить чемодан,— сказал Бауман.

От вокзала Бауман повёл Ногина какими-то заброшенными проходными дворами, через едва заметные в покосившихся старых заборах калитки, показывал сквозные парадные...

— Запоминайте все подступы и отходы. Может пригодиться. И очень скоро.

— Стараюсь запоминать,— отвечал Ногин.

— Теперь пора подумать и о чемодане,— сказал Бауман, когда они, наконец, выбрались из переулков на какую-то широкую со множеством магазинов улицу.— Зайдёмте-ка сюда.

Они вошли в большой магазин, где продавались разные товары в дорогу.

Бауман сразу повёл Ногина в отдел, где на прилавке громоздились всяких цветов и размеров чемоданы.

— Показывайте, который больше всего походит на ваш.

Ногин долго присматривался. То цвет не совпадал, то размер не тот. Наконец он остановил свой выбор на чемодане — вместительном тёмно-красном с двумя блестящими замками.

— Вот,— сказал он.— Примерно такой.

— Я так и думал,— усмехнулся Бауман.— Типичный берлинский коффер... Всё ясно как день.

Ногин думал, что Бауман купит чемодан. Но Грач попросил продавца показать, какие есть чехлы для такого чемодана.

Купив тёмно-синий чехол, они отправились на квартиру Баумана.

Оставив Ногина в комнате одного, Бауман куда-то удалился. Затем дверь распахнулась, и он появился с чемоданом в руке.

Ногин опешил. Ему показалось, что это его собственный чемодан из багажной.

— Такой? — спросил Бауман.

— Копия,— сказал Ногин.— Наверное, делал один мастер.

— Это-то и плохо,— грустно сказал Грач.— Именно такие бер-

линские чемоданы и караулят на вокзалах. Не понимаю, как вам удалось не подцепить за собой хвоста.

Ногин взял чемодан из рук Баумана и прошёлся по комнате. Чемодан был тяжёлый. В нём что-то лежало.

— Оставим на память вместо вашего, — сказал Грач, кивая на чемодан.

...За несколько минут до прихода берлинского экспресса к вокзалу подкатил извозчик. На заднем сидении восседал Ногин. В ногах у него стоял одетый в синий чехол чемодан Баумана.

Подскочил носильщик. Рослый, плечистый, в белой фуражке. Ногин уже знал, что это человек Грача.

— Позвольте, сударь, — потянулся он к чемодану.

— Благодарю вас, — сказал Ногин и протянул носильщику квитанцию для получения чемодана с «Искрой».

Носильщик взял чемодан в чехле, квитанцию и направился в камеру хранения. Ногин же, следуя совету Баумана, вошёл в вокзальное помещение, купил недорогой букет цветов и смешался с толпой.

Когда первые пассажиры с берлинского экспресса появились на вокзале, Ногин пристроился и вместе с ними вышел на привокзальную площадь.

У тротуара толпились извозчики пролётки. Носильщики ставили в них чемоданы, узлы, картонки. Подсаживали дам.

Но вот Ногин увидел своего носильщика.

Тот нёс чемодан в синем чехле, раздвигая толпу широкими плечами, и покрикивал налево и направо:

— Па-брегись! Па-брегись!

Ногин замахал ему букетом. Вскочил в подкатившую пролётку. Носильщик аккуратно разместил у его ног чемодан. Шепнул:

— Вас ждут!

Ногин оглянулся.

У фонарного столба стоял Бауман. Он что-то насвистывал. Обе руки его были в карманах. У них было условлено, если руки в карманах — всё идёт нормально. Чемодан заменён. Хвоста нет.

— Трогай, — крикнул Ногин извозчику. — Трогай, братец, на банкет опаздываю...

— Но-о-о, родная, — дёрнул лошадь извозчик. — Но-о-о...

V

Над заводской кирпичной трубой взметнулось облачко пара, и окрестности огласил сиплый срывающийся на визг гудок.

В токарном цехе стало непривычно тихо. Рабочие враз выключили станки. На Сокольническом заводе «Земгор» наступил обеденный перерыв.

Вытерев ветошью руки, токари с кружками шли от своих станков в конец цеха к огромному медному кипятильнику. Наполнив кружки, присаживались кто где, доставали завернутый в полотенца завтрак, закусывали.

У громадного расточного станка, расстелив на скамье газету, устроились трое. Поставили бутылки с молоком, выложили сваренные вкрутую яйца, аккуратно нарезали хлеб...

— А что, Кузьмич, заварки у тебя сегодня опять для рабочего класса не будет? — спросил молодой рабочий. — Давно ты нас свежим чаем не потчевал.

Пожилой токарь усмехнулся в усы, посыпал солью очищенное яичко, откусил и стал неторопливо жевать.

— Нет, Кузьмич, я серьёзно, — не унимался молодой рабочий. — Меня в кружке спрашивают, а я только руками развожу... Так как, будет чай или опять — ничего?

— Когда я ем, я глух и нем, — серьёзно сказал Кузьмич и принялся за второе яйцо.

— О чём промеж себя речь ведёте? — откуда ни возьмись появился перед токарями мастер.

— Да вот о чае, — посмеиваясь, сказал молодой рабочий.

— О чае? — удивился мастер. — О каком чае?

— Который пьют, — объяснил молодой токарь. — Заварки вот нет. Хозяин-то поди мог бы заварочку у кипяtilьничка организовать. А то рабочий человек пустой кипятилок пьёт... Рот сводит...

— Ну, пошёл, поехал, — махнул рукой мастер и вздохнул. — Вон в котельной сейчас городской запрещённые листки нашёл и эту... как её, «Искру»... А они тут чай распивают...

Мастер повздыхал и пошел к проходу между станками, приглаживаясь и прислушиваясь к разговорам рабочих.

— Видал? — сказал Кузьмич молодому. — А ты всё давай да давай... А теперь слушайте оба. Есть «Искра». Всем хватит. Снесёте в сборочный и в литейку... Задача поставлена такая: каждый завод должен стать нашей крепостью. Ясно?

— Куда ясней? Раз пришла «Искра» — рабочее дело пойдёт вперёд.

VI

Московское охранное отделение — департаменту полиции

На Сокольническом машиностроительном заводе «Земгор», фабрике Савельева, заводе Мизельсона обнаружено большое количество противоправительственной газеты «Искра». Видимо, в Москву доставлен на днях большой транспорт с революционной литературой. На вокзалах усилено наблюдение. По агентурным данным, в Москве образовалась искровская группа. Состав пока не установлен.

Начальнику Московского охранного отделения.

На Курский вокзал Московской железной дороги багажом прибыл чемодан заграничного производства. Было установлено наблюдение за выдачей багажа. Однако оный багаж в течение десяти дней затребован не был. При вскрытии в присутствии начальника станции в заграничном чемодане оказались два дубовых полена, старое одеяло и галоша 48-го размера.

Старший помощник пристава 4-го участка капитан Околович

Рис. Ю. Шабанова

ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ

Михаилу Кононову 30 лет. По профессии он учитель. Для детей пишет около десяти лет. Есть у М. Кононова цикл рассказов про мальчика со смешной фамилией Мурашкин. Два рассказа из этого цикла мы вам и предлагаем.

Михаил Кононов — участник XV конференции молодых писателей Северо-Запада.

Михаил КОНОНОВ

Рисунки Л. Московского

СМЕШНАЯ ФАМИЛИЯ

И слова директора школы, и песни, и поздравления старшеклассников, и заплаканное, смеющееся лицо мамы — всё это для Вовки прошло как в тумане. Слишком долго он ждал дня, когда станет, наконец, школьником. Он пришёл в себя только в классе, за партой. Рядом с ним сидел Эдик Одинокоев, красный и взъерошенный...

Эдик толкнул Вовку в плечо и подмигнул. Вовке стало легче.

— Это класс, да? — спросил Вовка.

— Кабинет литературы, — объяснил Эдик. — Так на двери написано. И вон Пушкин на стенке висит.

Сложив руки на груди, Пушкин смотрел Вовке в глаза серьёзно и грустно. Так же смотрел на Вовку и молодой парень, с круглым лицом, в очках, с длинными, как у Пушкина, волосами и с большими усами. Парень сидел за столом.

— Вот вы и стали школьниками! — Парень улыбнулся. Шевельнулись его усы. «Как у кота», — подумал Вовка.

— На кота похож, — сказал Эдик. — Усатый...

— Людмила Васильевна заболела, — сказал усатый. — Так что вместо неё с вами буду я.

— Вы нас учите скорей! — сказала сердитым голосом Ленка из второй парадной. А бантов-то на ней! И все розовые. — Мне мама велела пятёрочек побольше принести, — Ленка отбросила тонкую косичку за спину. Бант вспорхнул, как бабочка. — Спросите меня, пожалуйста, товарищ учитель! Например, сколько будет, если пять умножить на пять!

Все засмеялись.

Ленка обернулась, поджала губы и покачала головой, глядя почему-то на Вовку.

Одинокоев объяснил:

— Подлизывается.

— Как это? — не понял Вовка.
 — Понравиться хочет учителю. Чтобы пятёрки получать.
 Вовка посмотрел на Эдика с уважением.
 — Учить вас начнут на следующем уроке, — сказал усатый. — А я сейчас сделаю вам перекличку. Умеете перекличку делать?
 — Ау! А-у! — аукнули на задней парте.
 Усатый опять улыбнулся.
 — Так в лесу перекликаются, — сказал он. — Я буду называть ваши фамилии по журналу, а вы должны вставать и говорить: «Я». Понятно?
 — Я! — звонко крикнула Ленка и встала возле своей парты.
 Вслед за Ленкой все стали вскакивать:
 — Я! Я! Я!
 Усатый тоже встал и поднял руки:

— Садитесь, ребята, садитесь. Вы меня не поняли. А ты, девочка, всё время почему-то торопишься. Куда ты спешишь?
 — Мне мама сказала, что в любом деле надо быть первой, — сказала Ленка обиженно.
 Усатый махнул рукой.
 — Начинаем всё сначала. Я называю фамилию, а вы встаёте. Внимание! Три-четыре! Александров Олег!
 — Я! — крикнул мальчишка с задней парты.
 «Красивая фамилия», — подумал Вовка с завистью.
 — Барабанов!
 — Я!
 — Вихров!
 — Я!
 — Гиневский!
 — Я!
 «У всех фамилии как фамилии, — думал Вовка. — Скоро уже мою назовёт. Что делать-то? Вот придумали — фамилии называть...»

— Кундышева!
— Я!
— Одиноків!
— Я! — Эдик вскочил и тут же шлёпнулся на сиденье рядом с Вовкой. У него был такой вид, будто он поднял самую тяжёлую в мире штангу.

— Ф-уф! — мотнул Эдик головой. — Никто меня раньше по фамилии не называл. Здорово!..

— Сергуненкова!.. Фёдоров!..

Вовка втягивал голову в плечи и старался сообразить, после какой буквы стоит «М». Уже «Л» проехали. Там Линчевский был. Может, букву «М» переставили? Может, она теперь после «Я» идёт?

— Всех я назвал, ребята?

Вовка покраснел, но головы не поднял. Эдик толкнул его в плечо:

— Тебя же не называли!

Вовка показал соседу кулак. Эдик поднялся:

— А вот его забыли! — он постучал пальцем по макушке сжавшегося Вовки.

— Странно, — сказал усатый. — Как твоя фамилия? Может быть, тебя в списке нет? Встань, пожалуйста, а то я тебя совсем не вижу. Так. Назови свою фамилию. Тише, ребята, тише!..

В жуткой тишине Вовка с трудом разлепил губы:

— Му... Мурашкин!

Тридцать девять первоклассников засмеялись каждый по-своему: одни хохотали, держа себя за живот, другие — мелко хихикали, вертясь на месте и показывая на Вовку пальцем. Третьи — издавали гулкие лягушачьи звуки.

Мурашкин взял портфель и пошёл к выходу. Дорогу ему загородил усатый. Мурашкин отступил на шаг и замахнулся портфелем. Усатый опять улыбнулся, подхватил Мурашкина на руки и посадил на свой стул. За учительским столом Мурашкин совсем растерялся.

— Что, фамилия смешная? — спросил усатый, обводя притихший класс насмешливым взглядом. — А я ещё смешней знаю. Сказать?

— Скажите! — крикнули с задней парты.

Усатый прищурился.

— Грибоедов! — сказал он. — Смешно? А кстати, вот его портрет висит. В очках. И росту он был невеликого. Не такой совсем, как на памятник перед ТюЗом. «Горе от ума» не смотрели?

— Смотрели, — пискнула Сергуненкова Ленка. — Меня мама водила.

— И Пушкин! — продолжал усатый. — Фамилия-то, слышите, — Пушкин...

— Да ладно, — пробубнили на задней парте, — чего там...

— Мы больше не будем, — сказала Ленка. — Я совсем забыла, что мы будущие октябры. Мама сказала, что октябрятам обзываться нельзя, а то в пионеры не примут...

— Всё равно, будете, знаю я вас, — усатый махнул рукой и вздохнул. — А ты, Мурашкин, не робей и не поддавайся.

— Понятно! — Мурашкин кивнул. — А ваша фамилия — как?

Усатый покраснел.

— Скажите, скажите, а то нечестно! — крикнули с задней парты.

— Ничего нечестного тут нет! — сердито сказал усатый. — Окунь я. Игорь Алексеевич Окуны!

Он снял очки и отвернулся к окну.

В классе стало тихо-тихо. Только какая-то девчонка шепнула испуганно:

— Ой, мамочки...

Но когда на задней парте кто-то фыркнул, сдерживая смех, Эдик Одинокоев обернулся назад и показал кулак. И стало ещё тише.

— Очень красивая фамилия, — пискнула вдруг Ленка Сергуненкова.

И все закричали:

— Красивая! Самая красивая, лучше всех!..

А когда Игорь Алексеевич, красный и смеющийся, замахал руками и снова стало тихо, Ленка встала и смело трянула всеми своими розовыми бантами.

— Дорогой товарищ Окуны! — сказала она. — Мы, первоклассники, дружно поздравляем вас с началом учебного года!

И все захлопали так громко, что в класс заглянул удивлённый директор школы...

ГЛАВНОЕ—РЕЗЧЕ!..

Под фонарём на углу дожидался Мурашкина высокий, плечистый Одинокоев. Упрямо выставив лоб, крепко сжав ляжки ранца, Мурашкин шагал навстречу метели. Как полярник, как космонавт. Бывают же планеты, где всегда декабрь, где всегда дует...

Одинокоев издали помахал Мурашкину. Давай, мол, пробивайся скорей! Но Мурашкину нравилось преодолевать полярный буран. Он остановился натянул новые красные варежки. Устав ждать, Одинокоев поставил свой портфель на снег. Он поднял воротник пальто, спрятал руки в карманы. Он уже не кричал Мурашкину, чтобы тот шёл побыстрее. Одинокоев умел ждать.

Одинокоев коренаст и спокоен. Улыбается редко. Иногда Мурашкин спрашивает Одинокоева, о чём тот думает, и Одинокоев пожимает плечами. Дойдя до Одинокоева, Мурашкин снял варежку, и они пожали друг другу руки. Немного устало и равнодушно, как два восьмиклассника.

— Что это у тебя варежки красные? — спросил Одинокоев.

Мурашкин смутился. У Одинокоева были настоящие взрослые вязаные перчатки. У Мурашкина ладонь меньше, такого размера перчаток не бывает.

— Слишком яркие, — добавил Одинокоев и усмехнулся. — Ты пример решил?

— Решил. Ровно шестнадцать вышло, как в ответе.

— А я нет, — сказал Одинокоев беспечно. — Я фигурное смотрел.

— Я вчера с отцом в хоккей играл во дворе, — сказал Мурашкин. — Выиграл. Сорок — тридцать девять.

Говорить было трудно. Метель швыряла им в лица заряды колкой крупы.

Помолчали.

Свернули в переулочек. Стало совсем темно. Фонарей в переулочке нет, а окна утром не светятся.

— Первый — математика! — громко сказал Мурашкин. Он боялся темноты.

В переулочке носились тёмные вихри. Идти стало ещё труднее.

— Если на большой перемене Вихрь опять полезет, ты крикни, — сказал Одинокоев.

— Я — сам, — неожиданно отказался Мурашкин. — Мне вчера отец приём показал, Я теперь хоть пятиклассника — одной левой.

— Какой приём? — спросил Одинокоев.

— Простой.

— Покажи.

— Потом.

Одинокоев почувствовал в голосе Мурашкина какую-то хитрость. Это его встревожило.

— Ну покажи, Мураш! Что тебе — жалко?

— Не стой, — сказал Мурашкин. И поправил поудобнее лямки лёгкого ранца.

— Покажи, а то хуже будет!

Они остановились. В темноте лицо Одинокоева казалось ещё более суровым и взрослым. Раньше они никогда не дрались. И так было ясно, что Одинокоев сильнее. Мурашкин стал вспоминать отцовский приём. Захват... Подножка... Только бы руку успеть перехватить. А там — коленом — и всё!

Он представил себе, как сидит верхом на лежащем Одинокоеве, а Вихров только смотрит издали, подойти боится. Потом Вихров требует у него пример — списать, но Мурашкин не даёт. И Вихров опять только издали показывает ему кулак...

— Ну? — Одинокоев приблизился, поставил портфель на снег.

Они смотрели друг другу в глаза. Ударил порыв метели, и Мурашкину показалось, что он столкнулся с врагом прямо на Северном полюсе. Что Одинокоев даже и не Одинокоев сейчас, а почти Вихров. Что драться придётся, хочешь не хочешь. И он вздохнул, собрался с силами. И вдруг вспомнил, что не помнит, как нужно делать этот несчастный приём. Да и при чём тут приём! Приёмом его не возьмёшь...

Но думать было некогда. Мурашкин снял ранец, поставил его рядом с портфелем Одинокоева, отошел на два шага назад и вдруг бросился на врага, вытянув обе руки вперёд, как он бросался всегда на Вихрова.

И Одинокоев не устоял. Но падая, он увлёк за собой и Мурашкина. Через мгновение тела их сплелись в кряхтящий клубок. Шапки отлетели в стороны. Снег набился обоим за воротники. Одинокоев был тяжелее и сильнее и сначала сверху оказался он. Но Мурашкин страшным усилием сбросил врага и обрушился животом ему на голову. На миг Одинокоев затих. И вдруг, всхлипнув, он рванулся всем своим мощным телом, поймал ногу Мурашкина, — и вот уже Мурашкин лежит головой в сугробе. И сразу вспоминает великолепный отцовский приём. Вот так должен был лететь в сугроб его противник...

Одинокоев помогает Мурашкину подняться, отряхивает сзади его пальто, подаёт шапку и ранец. Одинокоев честен.

— Ничего приёмчик, — говорит он. — Нормально ты меня уложил. Только нужно резче. Понимаешь? Давай — покажу!

Но тут слышится звонок. Школа через два дома. А звонок звенит, заливаясь, и мимо пробегает Вихров в расстёгнутом пальто. Мимоходом Вихров сбивает с Мурашкина ушанку, Одинокоева с размаху шлёпает портфелем.

— Ничего, — говорит Мурашкин, принимая от Одинокоева шапку. — На большой перемене он у меня получит!

— Ты его — тем приёмчиком, — советует Одинокоев. — Только резче. Я помогу, не бойся.

— Я — сам, — говорит Мурашкин.

— Главное — резче! — повторяет Одинокоев.

Мурашкин кивает и спокойно натягивает свои красные варежки, хотя до школы рукой подать.

— Нормальные варежки, — говорит Одинокоев. — У боксёрских перчаток тоже один палец...

К 35-ЛЕТИЮ

Есть в военном деле такое понятие — резерв. К резерву относятся воинские части, ещё не получившие боевой задачи.

На фронте бывали операции, в которых резерв так и не вошёл в бой, но его присутствие в ближних тылах укрепляло мужество тех, кто сражался на переднем крае.

Но был у солдат Великой Отечественной войны ещё один, особый, мощный, наверное, самый главный резерв — уверенность в том, что их смертельная схватка с фашизмом навсегда войдёт в благодарные сердца новых и новых поколений советских людей.

Владимир ПРИХОДЬКО

Мальчики

Давным-давно завалены траншеи.
И жизнь течёт спокойная вполне.
А мальчики, не знавшие лишений,
Стихи ночами пишут о войне.
Вступающим в период возмужанья
Самим себя им предстоит открыть.
И сотни раз наедине с державой
О будущем и прошлом говорить.
Вот почему их лица так суровы
И битвам словно не было конца...
И свежей краской пахнущее слово
Наборщик набирает из свинца.

Вячеслав АНДРЕЕВ

Старая газета

Беру её в ладони,
И рука
Дрожит
Тяжёлой дрожью автомата.
В упор стреляет
Каждая строка,
И миной рвётся
Выцветшая дата.
Гремит война
На согнутом листе,
И со страниц,

Сквозь дымные заметки,
Улыбчиво
В глаза нам смотрят
Те,
Кто завтра
Не вернётся из разведки.
Здесь целый день
Войны запечатлён,
Он в полный рост,
Израненный и страшный,
Поднялся,
Как на бруствер батальон
Для яростной атаки
рукопашной.
Здесь, просочившись
Сквозь повязку лет,
От вдовьих слёз

Рис. Ю. Шабанова

Часто говорят: написать о войне ярко, впечатляюще могут лишь сами её участники. И это верно, но не всегда. Если война действительно Великая, действительно Всенародная, если она, как писал поэт, «не ради славы, ради жизни на земле», о ней скажут своё слово не только солдаты, но и дети, внуки, правнуки этих солдат.

Так оно и происходит. И вот ещё одно подтверждение сказанному — стихи членов Ленинградского клуба молодых литераторов. Авторы пишут о событиях, которые, к счастью, они не могли принять на свои плечи, но мудро и близко приняли к своему сердцу.

Да, это счастье — не видеть страшное, дымное небо войны. Да, это мудрость — понимать, что прекрасное небо над нами торжествует не само по себе.

Герман ГОПЕ

Расплывшийся, наверно,
Указа порыжевший документ,
Где дед представлен
к ордену...
Посмертно.

Владимир СПЯЩИЙ

М и г

Я в прошлое взгляд свой
вонзаю,
но память — неверный
тайник:
навек года исчезают,
навек врезается миг.
И в нём, запечатавшем
детство,
отчётливо вижу одно:
застыл, как на снимке,
отец мой
в раскрытом проёме дверном.

К семье, в двух шагах
от разлуки,
спеша на минуту одну,
навстречу мне тянет он руки,
и я к нему руки тяну.
К нему и счастливо и гордо
лечу я, не чувствуя ног...
Но он с сорок первого года
не может шагнуть за порог.

Сергей СОРОКИН

Фронтовое письмо

Всего клочок бумаги,
Исписанный листок.
А в нём — огонь атаки
И в пламени Ростов.
А в нём — презренье к смерти
И дзот на берегу...

Мы всё потом на свете
Запишем в счёт врагу.
Музейным экспонатом
Лежит седой листок,
Исписанный когда-то
И вдоль
И поперёк.
Погиб солдат в атаке,
Закрыв собою дзот.
...Прочти листок бумаги:
Живёт солдат,
Живёт!

Василий ОСТРОВСКИЙ

ЗНАМЯ

Чётко печатая шаг прошли по Дворцовой площади курсанты военных училищ, пронесли бронетранспортёры, проехала тяжёлая артиллерия. Военный парад окончен. Недолгий перерыв, и на площадь вступают колонны демонстрантов — район за районом, завод за заводом. И впереди всех — знаменная группа.

Плывёт перед трибунами знамя Ленинграда. Лучшим из лучших доверяют нести его. На алом бархатном полотнище знамени сверкает Золотая Звезда города-героя, развеваются по ветру орденские ленты. В декабре этого года знамени Ленинграда исполняется шестьдесят лет.

В грозные дни появилось оно. По стране полыхала тогда гражданская война. На молодую Республику Советов шли вооружённые до зубов войска четырнадцати стран Антанты. На востоке молодая Красная Армия дралась с колчаковцами, на юге — с деникинцами.

13 мая 1919 года двинулись на Петроград белогвардейские войска генерала Юденича. Пали Волосово и Кикерино. Подняли контрреволюционный мятеж форты Красная Горка и Серая Лошадь.

Красный Петроград встал на защиту завоеваний Октября. Был создан Комитет рабочей обороны. Стали действовать чрезвычайные рабочие тройки. Отряд за отрядом уходил навстречу врагу, стеной стояли за родные дома, за свободу. А в городе, в ночь с 14 на 15 июля, двенадцать тысяч рабочих стучались в двери квартир бывших хозяев и офицеров, купчиков и крупных чиновников. В результа-

те обысков отобрали они у притаившихся врагов более 6000 винтовок, 600 револьверов, пулемёты, гранаты. В одном из иностранных посольств нашли даже пушку. Целую армию можно было вооружить таким количеством оружия! Её и вооружили. Только не белую, а Красную рабочую армию. И она прогнала генерала Юденича, вышвырнула его войска за границу буржуазной тогда Эстонии.

Первый натиск был отбит. Но за ним последовал второй. Зарубежные капиталисты вновь снабдили недобитого генерала винтовками и пушками, шинелями и сапогами. 23 сентября 1919 года Юденич опять двинулся на Петроград.

На улицах города, на стенах его старых домов, в заводских цехах запестрели тогда листки с воззванием В. И. Ленина «К рабочим и красноармейцам Петрограда».

«Товарищи! — говорилось в воззвании. — Все вы знаете и видите, какая громадная угроза нависла над Петроградом. В несколько дней решается судьба Петрограда, решается судьба одной из твердынь Советской власти в России... Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую

пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! Победа будет за нами!»

На заводах и фабриках создавались рабочие отряды. Город опоясали тремя линиями оборонительных сооружений. Встали поперёк улиц баррикады, протянулись проволочные заграждения.

А враг подступал всё ближе. Генералу Юденичу уже был приготовлен конь — белый арабский скакун. Генерал мечтал проехаться на этом коне по Невскому проспекту. Да только по-иному думали петроградцы. В резолюции, принятой на митинге рабочих и красноармейцев Выборгского района, они записали: «Мы, выборжцы, бросаем клич всем рабочим и работницам Петрограда: товарищи, крепче сомкните свои пролетарские ряды, крепче сожмите в руках винтовку. Каждый дом должен превратиться

го дома, но и переступить через неё враг не смог.

А 21 сентября 7-я Красная армия перешла в наступление. Трое суток гремел бой у Пулковских высот. Смертью храбрых пали на их склонах коммунисты-краснопутиловцы Александр Огородников и Степан Корнеев, сложил свою голову один из организаторов комсомола Вася Алексеев.

Самоотверженно сражался в те дни путиловский бронепоезд № 6 имени Ленина. Действовал он в районе Ямбурга—Гатчины, в местах самых жестоких боёв. Однажды он получил задание выйти к Ямбуру (ныне Кингисепп) и любой ценой удержать станцию.

Комиссар бронепоезда путиловец Иван Газа собрал коммунистов.

— Надо задержать белых, — сказал он. — Хоть на два часа! Хоть

в крепость. Каждая улица — в западню для врага.

Рабочие и работницы Петрограда, выходите все на борьбу с непрошеными гостями. Петрограда мы не отдадим и врага не впустим!...

Рабочее слово было твёрдым. Твёрже сотен снарядов, летевших навстречу красногвардейцам.

Есть в Кировском районе улица Счастливая. Называли её так ещё до Октябрьской революции. Слово в насмешку называли: в деревянных бараках жила здесь рабочая бедность, царили нужда и голод, счастье тут и не ночевало. Вот именно эта улица в дни наступления генерала Юденича и стала неприступной линией обороны. Не осталось на ней в ту пору ни одно-

го часа! Пусть мы все до единого погибнем, но свой пролетарский долг мы должны выполнить!

Кто-то запел «Интернационал», песню подхватили, и бронепоезд, грохоча орудийными площадками, двинулся вперёд. Три дня дрался бронепоезд в окружении врагов. Нельзя было ни на минуту прилечь. Нельзя было проглотить ложку каши. Не было и минутной передышки. Но ни на час, ни на два, а на три дня сдержал бронепоезд наступление белых.

На том же ябургском участке действовала 2-я стрелковая дивизия, где комиссаром был питерский печатник Никандр Григорьев. В один из дней, когда он вместе с начальником политотдела дивизии обсуждал оперативный

план, штаб внезапно был окружён прорвавшимися белогвардейцами.

— Руки вверх! — закричал ворвавшийся в избу белый офицер.

В ответ прогремел выстрел Григорьева. Офицер рухнул на пол, враги замешкались. Штаб дивизии успел уйти от врага. Григорьев прикрывал их отход. Потом нашли его тело, пробитое десятками пуль.

3 октября войска Юденича были выбиты из Гатчины, 7 ноября — из Гдова, 14 ноября — из Ямбурга. Белая армия была полностью разгромлена.

А 5 декабря 1919 года в Москве открылся VII Всероссийский съезд Советов. Делегаты съезда ехали в столицу прямо с фронтов, в зале так и сидели с винтовками: приставив их к креслу или зажав между колен. Дружно приветство-

зунгами, разрисованы красочными картинками. Внутри вагонов помещались книжная лавка, кинозал, редакция и типография газеты. Чуть не все фронты объездил этот состав. Бывал и на колчаковском фронте, бывал и в Конной армии Будённого, бывал в Казани и Симбирске, под Ригой и на Смоленщине, в Минске и Оренбурге. Его так и называли: «ВЦИК на колёсах». Тогда же Михаила Ивановича Калинина стали называть всесоюзным старостой. И вот теперь Калинин прибыл в Петроград, в город, где он сам много лет проработал токарем на Путиловском заводе, на Трубном, где сразу после Октября был избран городским головой, а потом комиссаром городского хозяйства Петрограда.

вали они поднявшегося на сцену Владимира Ильича Ленина.

Съезд открыл Михаил Иванович Калинин, незадолго до этого избранный председателем ВЦИК — Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Просто, понятно рассказал он о положении в стране, о битвах на многочисленных фронтах, помянул и победу под Петроградом, а в заключение предложил наградить героический Петроград первым боевым орденом республики — орденом Красного Знамени и вручить Петроградскому Совету Красное знамя съезда.

Горячо аплодировал этому предложению Владимир Ильич Ленин. Две недели спустя Михаил Иванович приехал в Петроград на агитпоезде «Октябрьская революция». Наружные стены его пассажирских вагонов были расписаны ло-

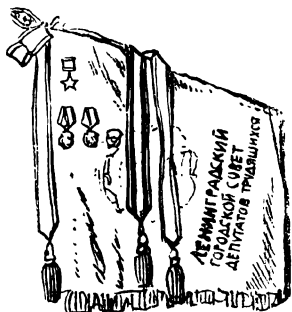
День 20 декабря был обычным зимним днём. И всё же он походил на праздник. Из-за Нарвской и Невской рабочих застав, с Выборгской стороны и с Васильевского острова через весь город шли колонны рабочих под алыми знамёнами. Шли к Таврическому дворцу. Весь город знал, что здесь сегодня Михаил Иванович Калинин будет вручать Петрограду знамя. «Петроградская правда» на первой странице поместила в тот день приветствие всесоюзному старосте: «...В этой высокой награде и ты, дорогой Калиныч, — писала газета, — соучастник. Не одна красная нитка вплетена твоими руками борца в это Красное знамя...»

Под торжественные звуки «Интернационала» поднялся Калинин на трибуну, товарищи помогли ему развернуть полотнище знамени и

каждый смог прочесть вышитые на нём слова: «Пролетариату Красного Петрограда от 7-го Всероссийского Съезда Советов».

Вручая знамя и орден родному городу, Михаил Иванович сказал тогда пророческие слова:

«Петроградский пролетариат, закалённый в борьбе, никогда не отдаст этого знамени врагам народа. Петроградский пролетариат привык знамёна брать, а не отдавать. Армии, которые возымеют дерзость захватить это знамя, поплатятся своими знамёнами. Это знамя навеки вечные водрузится здесь, и петроградский пролетариат будет высоко держать его перед всем миром».

И случилось так, что спустя двадцать один год, в день первой годовщины освобождения Ленинграда от вражеской блокады, 27 января 1945 года, Михаил Иванович снова приехал на берега Невы. И снова с почётным поручением Верховного Совета СССР — вручать городу-герою орден Ленина.

В театре имени С. М. Кирова, где проходило торжественное заседание, нашлись люди, которые слышали выступление Калинина в 1919 году и напомнили ему, его же слова о том, что «петроградский пролетариат привык знамёна брать, а не отдавать». Героическая оборона Ленинграда в годы Великой Отечественной войны подтвердила это.

Вручая городу второй орден, Михаил Иванович сказал: „Ленинградский пролетариат всегда был застрельщиком в борьбе за дело

народа. И вот мне, человеку старшего поколения, удалось увидеть величайший патриотизм ленинградцев. Без колебаний могу сказать, что другого такого патриотизма, как тот, какой проявило население великого города Ленина в борьбе с самым отъявленным врагом прогрессивного человечества... мир ещё не видел”.

На сцену было вынесено знамя города Ленинграда. Его несли славные защитники города-героя во главе с командующим Ленинградским фронтом маршалом Советского Союза Л. А. Говоровым и командующим Краснознамённым Балтийским флотом адмиралом В. Ф. Трибуцем. В составе делегации, принявшей орден Ленина, был начальник цеха Кировского завода А. К. Мирошников и актриса Е. П. Корчагина-Александровская, вагоновожатый трампарка имени Блохина Е. Ф. Дмитриева и профессор Ленинградского университета В. В. Мавродин, поэт А. А. Прокофьев и директор Эрмитажа академик И. А. Орбели, комсорг 343-го батальона МПВО В. М. Иванова и учительница 47-й школы З. В. Северова, боец-пожарник Я. М. Пантешкин и школьники К. Шлыкова, И. Никифорова, В. Егоров. Все они были бойцами города-фронта, и все по достоинству принимали дорогую награду.

В 1957 году на знамени Ленинграда засверкал ещё один орден. Приближалось 250-летие города. За двенадцать мирных лет Ленинград залечил раны, нанесённые ему войной. Это было совсем не просто. Едва ушли наши войска на запад, жители города взялись за лопаты, за лопаты, за носилки — пришли к развалинам взорванных, искорёженных домов. Только в 1944 и в начале 1945 года, когда ещё шла война, они отработали на восстановлении города 32 миллиона человеко-часов. И снова заселялись дома, открылись 196 школ, 343 детских сада.

В честь окончания войны были заложены Московский и Примор-

ский парк Победы. А заводы уже выполняли ответственные задания: помогали возрождать шахты Донбасса, металлургию Криворожья, поднимать Днепрогэс, создавали могучие турбины и генераторы, подъёмные краны, сварочные агрегаты, станки, машины, строили корабли. Ленинградцы трудились так же жаростно, как сражались у стен своего города. По тысячам дорог шла их продукция во все города Советского Союза.

Потому-то с таким вниманием, с такой любовью и отмечала страна 250-летие Ленинграда. Родина увенчала его третьим орденом — орденом Ленина. Вместе с орденской книжкой городу была вручена и особая грамота, в которой говорилось:

«Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик за выдающиеся заслуги трудящихся Ленинграда перед Родиной, за мужество и героизм, проявленные ими в дни Великой Октябрьской социалистической революции и в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне, за успехи, достигнутые в развитии промышленности и культуры, в развитии и освоении новой техники, в связи с 250-летием города Ленинграда, Указом от 21 июня 1957 года награждает Ленинград орденом Ленина».

Ещё в годы войны Ленинград был назван городом-героем. В дни двадцатилетия Победы, весной 1965 года, городам-героям торжественно вручались Золотые Звёзды. В годы Великой Отечественной войны 350 тысяч воинов Ленинградского фронта были награждены боевыми орденами и медалями, 226 из них стали Героями Советского Союза. Стал им и сам город Ленина.

Конечно, в его Золотой Звезде — и подвиг рядового Дмитрия Молодцова, закрывшего своим телом громышающую огнём амбразуру фашистского дзота, и ночной таран

Алексея Севастьянова, и бессонные ночи снайпера Феодосия Смолячкова, 126 патронами уложившего 125 непрошенных гостей, и бессмертие павшего на Пулковских высотах комиссара Николая Смирнова, и воинская мудрость командира корпуса генерал-майора Зайцева... Сейчас их имена носят улицы и площади нашего города.

Прикрепляя Золотую Звезду к знамени Ленинграда, Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев сказал:

«История знает немало примеров героической обороны крепостей и городов. Сквозь века и тысячелетия дошли до нас сказания и легенды о борьбе защитников античной Трои, рассказы историков о жестоких боях под стенами осаждённого Карфагена. Никогда не будут забыты отвага защитников Севастополя в годы Крымской войны в середине прошлого века, доблесть русских и болгарских героев Шипки. Как пример упорства и ожесточённости вошли в военную историю многомесячные бои за Верден в первую мировую войну. Но легенды седой старины и трагические страницы не столь далёкого прошлого бледнеют перед той несравненной эпопеей человеческого мужества, стойкости и самоотверженного патриотизма, какой была героическая 900-дневная оборона осаждённого Ленинграда в годы Великой Отечественной войны».

Это был один из самых выдающихся, самых потрясающих массовых подвигов народа и армии во всей истории войн на земле. Мужество ленинградцев, доблесть защитников города Ленина навсегда сохранятся в благодарной памяти нынешнего и грядущих поколений советских людей».

Минуло ещё два года. В ноябре 1967 года вся планета отмечала знаменательное событие — пятидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции. В ознаменование этого праздника Президиум Верховного Совета

СССР учредил новый орден — Октябрьской Революции. Всего лишь неделя прошла со дня опубликования Указа об учреждении нового ордена, и во всех газетах был опубликован другой Указ: о награждении орденом Октябрьской Революции города Ленинграда.

Орден Октябрьской Революции вручили городу Ленина — городу трёх революций, городу-герою, городу-творцу. С тех пор на знамени Ленинграда сияет Золотая Звезда, а под нею — четыре орденна.

Идёт знамя по площади — гордо развеваются на нём орденские ленты. Правда, в дни праздников выносят сейчас на площадь не то знамя, что было вручено нашему городу шестьдесят лет назад. То знамя выходило на площадь много лет подряд, выносили его и на торжественные заседания в дни памятных революционных событий. Но ткань на знамени стала

изнашиваться. И тогда решили поместить легендарное знамя в Музей истории города. А Ленинграду спшили новое бархатное знамя.

Где находится знамя в будние дни? Есть у него и свой дом, и своя комната. Находится она в здании Ленинградского городского Совета на Исаакиевской площади. Комнату свою знамя покидает не больше двух-трёх раз в год.

И тогда идёт оно по Дворцовой площади впереди целого города! Или склоняется в трауре перед памятью павших борцов над Вечным огнём Марсова поля, на Пискаревском мемориальном кладбище. На торжественных заседаниях около знамени молчаливо сменяется Почётный караул.

Знамя говорит нам о стойкости, мужестве ленинградцев, об их верности заветам Ленина и делу Октября.

Знамя зовёт нас вперёд — к новым победам!

Рис. В. Орлова

Лучший друг мой заболел.
Он поспорил с мальчиком
И мороженого съел
Двадцать пять стаканчиков.
Неужели в Новый год
Он на ёлку не пойдёт!

У него такой бронхит!..
— Здесь ли доктор Айболит!
— Нет.
К несчастью, целый год
Кто-то книжку не сдаёт.

(Продолжение на 43, 47, 63 стр. и на последней странице обложки).

Сергей СКАЧЕНКОБ

За румянцем!

*Зима приглашает
На лыжах кататься —
Погода такая! —
Нельзя отказаться!
Давай-ка помчимся
Мы в рощу на лыжах,
Где стройные сосны
По-летнему рыжи.
Зима приглашает!
Ну как отказаться?
Поедем с тобой
За весёлым румянцем!*

Снегири — снегирики

*— Что там за игрушки
У ёлки на макушке?
Красные пузырики?
— Снегири-снегирики!*

Кому бы?

*За окном снегов кружение —
Мне на лыжах бы лететь...
Но нельзя. Я упражнение
Всё пишу.*

*Не одолеть!
Новый год — у всех улыбки...
Мне про двойку не забыть!
Эх, кому бы все ошибки
Из диктовки подарить?*

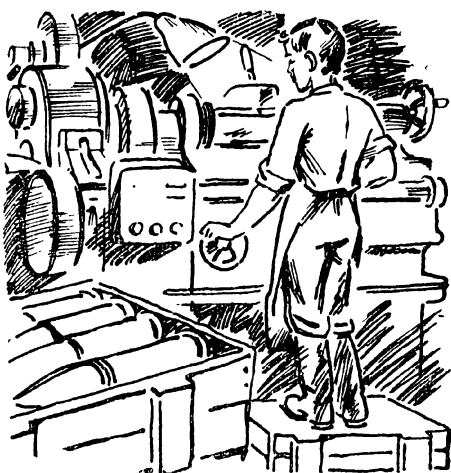
Рис. Л. Коломейцевой

Б. СЕРГЕЕВ

В будущее — на метро

Эту историю рассказал мне токарь с объединения «Электросила» Павел Васильевич Иванов.

До войны он учился в школе. Класс писал контрольную по математике. Многие этой контрольной боялись. А когда сдвоенный урок арифметики кончился и ответы сверили, оказалось, что почти все решили задачу правильно. Даже загордились: «Это ещё простая задачка попалась!»

После уроков Иванов увидел в гардеробе свою учительницу. Идти им было в одну сторону. Учительница сказала: «Паша, помоги нести тетрадки». По пути учительница встретила знакомых, остановилась, а Пашу попросила: «Неси тетради прямо домой ко мне, раз уж взялся помогать. Помнишь мою парадную?» — «Помню».

Во дворе дома, где жила учительница, знакомые ребята играли в футбол. Пашу тоже позвали играть. Он пристроил портфельчик около поленицы дров. И чужие

тетрадки втиснул в портфель. Но закрыть его на замочек не смог. Стопка тетрадей была слишком толстой. Портфель остался незастёгнутым, и, конечно, по нему угодили мячом. Там ещё была рядом лужица. Тетради вылетели из портфеля. И поплыли.

— Что же ты, Паша, наделал! — Учительница сама испугалась, когда увидела мокрые тетради. Буквы и цифры расплылись. — Придётся тебе, Иванов, сказать завтра классу: «Из-за меня, ребята, все мы будем сейчас писать новую контрольную».

Сколько времени с тех пор прошло! Сколько случилось всякого — и хорошего, и плохого! Была блокада Ленинграда, и Паша ходил пешком через весь город на пло-

щадь Труда, в ремесленное училище. Голод уже был такой, что на каждом перекрестке маленький пешеход останавливался отдохнуть и удивлялся: «Почему сердце ослабело, а стучит так громко?» Была потом эвакуация в сибирский город, и Паша точил там на заводе гильзы для артиллерийских снарядов. Был он среди тех бойцов тыла, которые до рукояток станков не успели дорости и ставили себе под ноги ящики. Была потом долгая армейская служба. Был счастливый день возвращения в Ленинград. Да, много было всякого. Но случай с тетрадками Павел Васильевич помнит всегда так, как будто это произошло вчера. Почему?

— У меня работа такая, будто каждый день те тетрадки несущ... — говорит Иванов.

Тем, кто был в знаменитом гидроцехе «Электросилы», всё становится сразу понятным. Попробуем разобраться и мы.

Станок у Парла Васильевича токарно-карусельный. В цехе говорят просто: «Карусель». И не меньше эта карусель, чем та, где кружатся верхом на игрушечных конях. Высота станка — как у пятиэтажного дома. И конечно, обрабатывают на нём немаленькие заготовки и поковки. Бывают они тонн на пятьдесят. То есть весят как железнодорожный вагон. Бывает, что и 70-тонные стальные слитки везут Иванову от металлургов-ижорцев или с южных наших заводов.

Обработать же эти громады надо иногда до того самого девятого класса чистоты, про который станочники говорят так, как хирурги про операцию на сердце. Девятый класс чистоты — это самое сложное. Девятый класс — это посмотришь на поверхность металла и увидишь себя, как в зеркале. Точность работы такая, что не годится обычный измерительный инструмент. В ход идёт специальное оптическое устройство: остренький луч света бежит по стальной глади. Наткнётся на крошечный выступ — значит,

ещё надо подшлифовать в этом месте.

Неделями продолжается работа над этой заготовкой. И когда всё уже, кажется, готово, тогда-то эле различимая глазом песчинка от абразивного круга может оставить на зеркальной поверхности царапину. Может случиться, что исправить дело будет уже нельзя. Погубит песчинка стальную гору. Погубит деталь, цена которой — как несколькими десятками автомобилей.

Да и не всё измеришь деньгами. Много людей вложили труд, вложили душу в стальной слиток. Тонул в болотах, замерзал на холодном ветру геолог, когда искал месторождение руды. Нёс вахту экскаваторщик на карьере. Вытирал бисеринки пота сталевар. Напряжённо всматривался в изгибы пути машинист поезда, с которым приехал слиток в Ленинград. Пропадёт ни за что и их труд, если подведёт вдруг Иванов, как подвёл когда-то одноклассников.

Что ж, может быть, та давнишняя ошибка пошла на пользу! За 27 лет работы на «Электросиле» лауреат Государственной премии, токарь-карусельщик П. В. Иванов ошибок не допускал.

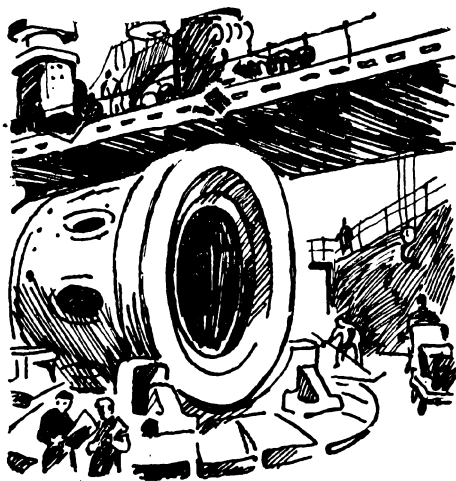
Каким же должен быть человек, чтобы стать мастером в этом деле? Терпеливым? На редкость внимательным? Собранным?

— Павел Васильевич! Назовите главное-преглавное, что нужно человеку для такой работы?

— Нужно, чтоб она нравилась, — просто сказал Иванов. — Знаете, если без радости это дело делать, на часы поглядывать, только и ждать, когда смена кончится, ну с таким настроением быстренько в бракованных деталях закопаешься.

— А как это сделать, чтоб работа нравилась?

— Вникать. Тут — как с музыкой. Не поймёшь ведь её, пока не будешь вслушиваться. Ну и ещё надо представление иметь, что она людям даёт, твоя работа.

...Павел Васильевич Иванов любит слушать и читать про историю электрических машин. Много знает про то, как трудно шла сначала работа по ленинскому плану электрификации России — ГОЭЛРО. Он слышал от старых рабочих «Электросилы», как пришлось им делать для Волховской ГЭС генератор — ту самую машину, которая даёт электричество.

Волховская ГЭС была в России первой. Начали её строить, а потом многие засомневались: «Наверное, ничего у нас не получится. Не умеем мы строить ГЭС. Не умеем турбины и генераторы делать. Нам ещё учиться надо, а уж потом браться за работу». И вот тогда на строительной площадке станции открылся митинг. Бочка из-под цемента служила трибуной. На неё поднялся Михаил Иванович Калинин. Член правительства. Как тогда говорили, всесоюзный староста. Он громко объявил: «Пиджак продам, а ГЭС построим!» Дело было в том, что очень много денег требовали иностранные фирмы за машины для Волхова. Потребовали, получили и всё же недодали нам многого из того, что было необходимо. Электросиловцы взялись спасти стройку. Сами начали делать такой большой генератор, какого раньше даже не видели. За границей это считали напрасным трудом.

Там писали: «В России умеют делать только телеги». Но вышло по-другому. Дала «Электросила» генератор Волхову!

Он до сих пор работает, хоть побывал во время войны под бомбами...

Разговор об истории начался у нас с Павлом Васильевичем ещё у него дома, а продолжался в метро. Иванов ехал на работу, а я решил его проводить. Павел Васильевич рассказывал интересно. Запомнилось, например, из его рассказа, что некоторые машины для электростанций первой пятилетки можно было вывезти с завода на телеге. Теперь и железнодорожного состава не хватит для машин-гигантов десятой пятилетки.

Пуск первого агрегата Саяно-Шушенской ГЭС мне самому довелось увидеть. Удивительные это были минуты перед пуском. Сотни строителей станции собрались во временной постройке из алюминия. Было необычно тихо для такого многолюдия. И ни одной, буквально ни одной улыбки. Напряжённым, очень гаппряжённым было ожидание. Зато потом, когда генератор дал рабочий ток, люди не просто улыбались. Взрослые дяди прыгали, тормозили друг друга, как мальчишки. Над отдельными частями этой огромной машины, сделанной на «Электросиле», поработал и Иванов.

Что же будет дальше? Какими окажутся машины и электростанции третьего тысячелетия?

— Дальше будет ещё интереснее, — сказал Павел Васильевич под стук вагона метро. Он рассказал, что на «Электросиле» уже думают про машины для ПЭС — приливных электростанций. Как представляют такую станцию специалисты? Не на реке, а посреди моря поднимется плотина длиною больше, чем десяток Невских проспектов. Пойдут на неё волны по пятнадцать метров высотой. И сила страшных холодных валов обернётся уютным светом чьей-то настоль-

ной лампы или оживит экран телевизора.

— Интересно, да? Может, интересней, чем когда лягушка обернулась царевной! — улыбнулся Иванов.

Ещё он сказал про генераторы будущего. Мысленно учёные «Электросилы» уже видят их. Внутри этих машин «накачают» почти космическую стужу. В таком холоде металл становится непохож сам на себя, как лёд непохож на воду. Правда, на глаз изменения в металле не заметишь. Но электрический ток пойдёт по нему без всяких помех. Как если бы перед автомобилем, идущим по запруженной улице, открылась вдруг по-ночному пустынная магистраль.

— Следующая остановка —

«Электросила», — объявил голос в вагоне метро.

— Ну вот, мне выходить, — прервал свой рассказ Иванов.

С тех пор, проезжая мимо «Электросилы», представляю себе валы холодного залива и необычные очертания машины с космическим холодом внутри. Как это, оказывается, просто — попасть в будущее. Надо сесть в метро. Доехать до «Электросилы». А здесь заглянуть в третье тысячелетие. Да, в научных подразделениях ленинградской фирмы начинается будущее. Но разве будущее — только машины и плотины? Будущее приблизят люди. Люди, которые умеют мечтать и работать. Один из них — передовик десятой пятилетки, токарь Павел Васильевич Иванов.

Рис. Н. НЕФЕДОВА

Илья ФОНЯКОВ

Декабрь

Рис. Л. Московского

*Стоит морозная погода,
Лежит на реках толстый лёд.
Декабрь — последний месяц года,
И скоро праздник —
Новый год.
Опять, как маленькое чудо,
В квартире каждой
Наяву
Зажжется ёлка...
А покуда
Я еду в поезде
В Москву...
Мелькают станции, посёлки,
В них окна весело горят,
И мне навстречу
Мчатся ёлки,
Несутся ёлки
В Ленинград!*

ВЗВРАТЯ

(Главы из исторической повести)

ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Прошло десять лет с того дня, когда Константин впервые въехал в город. Теперь он знал столицу, словно родился здесь. За эти годы он стал выше ростом, но был по-прежнему не широк в плечах, издали его могли принять за подростка.

Слуга его, Андрей, оставался при нём. Когда-то он продал себя логофету за тридцать номисм, чтобы отец и братья купили булочную. Казалось, родные Андрея работали изо всех сил, но отработать те деньги не смогли. За эти годы Андрей растолстел, и если бы не одежда, со стороны могло показаться, что это он — важный господин.

Прежде Константин думал, что стоит приналечь на книги, и премудрость мира немедленно откроется перед ним. Оказалось иначе — чем больше узнавал он нового, тем больше открывалось неведомого.

Лев Математик шутил, что Константин в знании арифметики может удобиться Пифагору, познания в геометрии позволяют ему считаться Евклидом, а умением высказывать суждения он может сравниться лишь с Аристотелем.

Окончание. Начало в «Искорке» № 10, 11.

Друзья всерьёз звали Константина Философом.

Он любил провожать Фотия, ставшего государственным секретарём, до царского дворца, по дороге часто увлекался спором, громко говорил, размахивая руками.

Бывало, что или Константин, или Фотий узнавали о вновь найденных книгах в каком-нибудь монастыре или частном доме. Вместе они немедленно отправлялись туда.

Чаще это были пустые грамматические и риторические учебники, сборники небольших отрывков из произведений древних поэтов, историков и ораторов, приспособленные для школьного обучения. Зато когда они находили старый папирусный свиток с прозой или стихами, которые мир считал уже утерянными, они тут же принимались разбирать расплывшиеся от сырости строки, читали друг другу вслух рукопись, по дороге только о ней и говорили.

То, что за тысячу лет до них писали великие авторы, Фотию и его ученикам пришлось восстанавливать заново, и много древних великих книг спасли они для будущих поколений.

А Константину было мало трёх языков — славянского, греческого и латыни. Один из слуг логофета был образованным пленённым арабом. Константин изучил с его помощью язык и письменность арабов. В столице не было ни одного человека, который мог бы так легко переводить сказанное с арабского на латынь и с латыни на славянский.

Он удивлялся, как много времени люди проживают зря. Часами выстаивают на церемониях, чтобы встретить и проводить царскую семью, прокричать ей вместе с други-

ми «славу». И хотя сам тоже обязан был являться во дворец на церемонии, ходил он туда редко и с неохотой.

Как-то раз вечером Феоктист вошёл в комнату Константина. Как всегда, взял одну из книг, стал её листать.

— Я даже не слышал о таких книгах, какие ты изучаешь, — признался он. — Тебя уже зовут Философом, и я уверен, не зря.

Константин лишь улыбнулся да пожал плечами.

— Я-то буду говорить с тобой о вещах человеческих, — сказал Феоктист. — Брат твой, Мефодий, уже стратег славянской области. Славянам нравится, что воевода говорит свободно на их языке. Не пора ли и тебе остепениться?.. — Феоктист помолчал, подумал немного и заговорил снова: — Ты, конечно, легко можешь пайти место учителя. Любой был бы счастлив учиться у тебя, но я думаю, такое место слишком низко для человека из моего дома. За эти годы ты стал мне более дорог, чем если бы был сыном... И вот что я надумал...

Константин хотел было подняться, отойти к окну, но Феоктист, сделав повелительный жест, сказал:

— Сиди здесь. Вот что я надумал: тебе надо жениться. У меня есть крестница, ты знаешь её — это Мария. О приданом её можешь не беспокоиться, к тому же она красива, добра. Вы должны пожениться. Женившись, ты получишь сразу воеводство, должность стратега. Отец твой мечтал стать стратигом, но умер лишь друнгарием. Твой брат уже сейчас стратег. Ты получишь соседнее воеводство. Подумай, как это хорошо — два брата, оба правят по соседству. Я уже распорядился готовить Марию к свадьбе. Что ты скажешь на это?

Тихо улыбаясь, Константин отрицательно покачал головой.

— Неужели тебе не подходит Мария? Подумай. Я знаю её давно. Лучше жены тебе не найти: богата, умна... — Феоктист взглянул на Константина. — Хорошо, может быть, ты выбрал другую, а я упустил это из

виду. Назови её имя, я уверен, что нет в этом городе дома, который бы не стал счастлив, породнившись с моим. Не стесняйся, скажи мне, кто её родители. Всё остальное я улажу сам.

— Я выбрал невесту давно, — ответил Константин. — Она далека от того, что ты предлагаешь мне.

Лицо Феоктиста было удивлённым и растерянным одновременно.

— И всё-таки ты подумай. Я хочу, чтобы ты был богат, чтобы тебя почитали окружающие. Не век же тебе сидеть над книгами... Хорошо, скажи мне, что выбрал ты. Может быть, я в силах обеспечить твоё желание? — спросил Феоктист, поняв, что согласия жениться он от Константина не получит. — Или ты всерьёз считаешь, что твои буквы в этих вот книгах важнее богатства и почестей?

— Пожалуй, именно так я и считаю. — Константин снова улыбнулся. — Патриаршей библиотеке нужен библиотекарь, хранитель книг. Я был бы счастлив, если бы стал им.

— Это место, конечно, требует от человека большой учёности, но оно слишком низко для тебя. Что скажут другие — ведь ты рос в моём доме.

— Это место достаточно высоко для того, кто хочет просветить свой разум, — ответил Константин твёрдо.

ДИСПУТ

Уже десять лет бывший патриарх Иоанн Грамматик жил в монастыре под присмотром. Когда-то был он вторым человеком в империи, воспитателем и советчиком царя, а теперь в церковных книгах рисовали, как сгорает он в адовом огне вместе со страшными грешниками. Но Иоанн считал себя правым, рассылал друзьям письма, утверждал, что лишь насилье свергло его. Письма были известны и во дворце.

Иоанн Грамматик был иконоборцем, боролся он с иконопочитателями, борьба эта уходила своими корнями в далёкие века. Всех тонкостей их спора нам теперь и не понять, но ясно одно — часто за религиозными спорами скрывалась борьба за власть и богатство.

— Не вызвать ли нам этого старикашку сюда и не устроить ли публичный диспут? — спросила царица логофета Феоктиста, когда он в очередной раз докладывал ей о делах в империи. — Пусть все убедятся, что заблуждения старика нелепы и вредны. Воспитанник твой Константин недавно принял священнический сан, став патриаршьям библиотекарем, говорят, он очень образован, ему даже прозвище дали Философ. Не приказать ли ему вести тот спор?

— Константин, конечно, образован, но ему двадцать четыре года, Иоанну же семьдесят, и он всю жизнь изучал божественные книги.

— Вот и хорошо, что изучал. Уж если Константин его победит в споре, сразу станет ясно, за кем истина.

К диспуту Константин готовился всерьёз. Он видел Иоанна Грамматика лишь раз, мальчишкой, в тот момент, когда гнали того верхом на осле, и он пытался спасти его от насмешек толпы.

— На улицах люди только и говорят, что о диспуте, — рассказывал Андрей, — весёлых праздников так не ждут.

Были минуты, когда Константин хотел убежать, скрыться куда-нибудь в дальний монастырь, лишь бы не участвовать в этом споре с оскорблённым стариком. И больно ему было, и страшно.

— Ты должен победить, — внушал ему Фотий, — выбора нет. Иначе всем нам, твоим учителям, будет плохо.

— Если откажешься, гнев царицы падёт и на мою голову, — убеждал Феоктист.

Наконец назначенный день настал.

Зал был полон.

С Константином пришли все друзья — ученики Фотия и Льва Математика.

Иоанна Грамматика привели под стражей. Друзей рядом с ним не было. Некоторые из них сидели в зале, но даже знака подать не могли.

Старик Иоанн вышел на возвышение гордо, был он всё так же прям, как и до своего свержения десять лет назад. Но когда он увидел напротив себя юношу, почти ребёнка, на секунду лицо его выдало растерянность.

— Вы что же — посмешище выдумали вместо спора? — сказал он гневно. — Равнять меня с этим юнцом решили? Не пристало мне состязаться с ним!

— Действительно, всё превосходство и опыт старости на вашей стороне, — сказал спокойно и твёрдо Константин, — но я готов к диспуту.

— Ловко он ответил! — обрадовалась публика и затопала в поддержку слов Константина.

— Начинай диспут! Или ты испугался?

Иоанн подождал, пока стихли выкрики, потом взмахнул рукой, словно боец, сделал шаг вперёд и задал первый вопрос:

— Скажи мне, юноша, ты считаешь, что все христианские народы молятся одному и тому же образу Спасителя?

— Да, — отозвался Константин. Он пока не знал, куда клонит Иоанн. — Других образов нет.

В зале стало тихо. Все хотели слышать, как пойдёт диспут дальше.

Иоанн снова поднял руку.

— Нет, не образу Спасителя вы молитесь, когда бьёте лбом перед кусками дерева, прозванными иконами, а поклоняетесь мерзким идолам. — Иоанн отступил назад и победно оглядел притихшую публику. Он понял, что победил. И ему даже жалко

стало этого худосочного юношу, так храбро вызвавшегося спорить с ним.

Замерли люди в зале, смотрели на старца заворожённо.

— Сейчас у разных народов: у греков, латинян, в Египте и Индии бога изображают по-разному. Идолов размножили вы по земле! Думая, что молитесь богу, вы поклоняетесь мерзейшим кускам дерева! — слова Иоанна гремели в зале, словно гром.

— Не так, — ответил Константин спокойно. — Скажи, одинаковые ли это слова? — Тут Константин произнёс слово «жизнь» по-латински, по-арабски и по-славянски.

— Конечно, разные, — ответил Иоанн, не знавший тех языков.

— Ты ошибаешься. Я произнёс одно и то же слово на разных языках. Как видишь, внешняя форма может быть разная, а сущность — одна... Так и во всей жизни.

Что тут поднялось в зале!

Все вскочили, принялись топтать, свистеть, кричать. Многие показывали на Иоанна пальцами и хохотали.

— Хвала Константину! — орали во всю глотку люди, точно так же, как на ипподроме они славили возничего Василия. — Константину Философу слава!

Иоанн попробовал всё-таки перекричать зал. С ненавидящим взглядом он снова шагнул вперёд и выкрикнул:

— Проще молиться идолам и жить в беспутстве и пьянстве, чем вести честную, праведную жизнь! — При этом рукой он указал прямо туда, где сидели царские чиновники.

Из задних рядов протолкнулся монах с рыжими лохматыми волосами. Он подскочил к Иоанну, наставил на него палец и визгливо закричал:

— Тыфу на тебя! — И плюнул Иоанну в лицо.

Иоанн стоял прямо, словно и не было оскорбительного плевка, и глядел в зал.

Из зала крикнули:

— Философ! Ты там ближе стой. Хватит с ним спорить! Глаза ему надо выколоть, а не спорить!

— Выжечь глаза! Выжечь! — подхватила публика.

Наконец стража увела Иоанна, и Константин сошёл к своим друзьям.

Его поздравляли с победой. Феоктист при всех крепко обнял его, сказал, что завтра царица передаст ему награду. На улицах народ шумно радовался при его появлении, словно видел самого царя.

А ему было пусто и горько. Не такой победы он хотел.

Он хотел честного боя и честного спора. Он хотел убедить гордого старца, а вовсе не победить его. И он бы убедил, он был уверен в этом...

Константин вспомнил стихи Кассии, те самые, которые обсуждали ученики в его первый день учения у Фотия.

*Лучше потерпеть поражение,
Чем одержать недостойную победу.*

Сейчас он ещё сильнее почувствовал глубокий их смысл.

На другой день Феоктист сказал радостно:

— Тебя завтра приглашают во дворец на праздничный обед. Ты будешь самым почётным гостем.

Константин не любил дворцовые обеды с пьянством и нелепыми разговорами.

— Не вздумай увильнуть, — Феоктист улыбнулся. — Это твоя обязанность, здесь твоей воли нет. — Ещё через некоторое время Феоктист сказал с сожалением: — И всё-таки, жалко его! Вздорный старик, а жалко.

— Ты о ком? — удивился Константин.

— Да всё о нём же, об Иоанне. Наказали его плетью, выкололи глаза и отправили в монастырь.

— Глаза!

Константин задохнулся. Он вспомнил гордый, пронизывающий взгляд старика.

— Глаза, — Феоктист удручённо махнул рукой. — Ему припомнили слова: «Проще молиться идолам и жить в беспутстве и пьянстве, чем вести честную, праведную жизнь». Теперь, после плетей, старик долго не протянет.

Утром Константин покидал город.

Он решил укрыться в монастыре, где-нибудь подальше, где никто его не узнает. Назваться другим именем. Нельзя жить так, чтобы твоя воля зависела от чужой.

...Через час его нагнал запыхавшийся Андрей.

— Или ты хочешь, чтобы хозяин с меня шкуру снял?

Дальше они ехали вдвоём.

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Константина искали полгода и не могли найти. Он жил в хижине на морском берегу. Кругом было пустынно, тихо.

Видимо, прежде здесь уже жили, потому что стояло несколько домов. Потом это место запустело, обезлюдело.

Впервые в жизни Константин сам, своими руками возделывал землю, подправлял стены дома.

Иногда вместе с Андреем они ловили рыбу.

Жизнь была проста, и никогда он не чувствовал себя таким свободным.

Вечерами, сидя на остывающей морской гальке, Константин любил смотреть, как уходит солнце, любил думать о мире и о себе.

Вдалеке на горе стоял большой монастырь. Оттуда Андрей приносил муку, чтобы печь хлеб.

Однажды он пришёл, и вид его был виноватым.

— Похоже, я выдал твою тайну.

— У меня нет тайн, но что сделал ты?

— Разговорился я со стариком-монахом. Он всю жизнь был рабом, но ведь по закону упедший в монастырь получает свободу. Он и захотел хоть в старости пожить вольно. Я ему в ответ о своей жизни тоже рассказал и о тебе заодно — даже не заметил, как начал говорить про тебя. А он говорит: «Так ведь господина твоего ищут. И в нашем монастыре конники стоят, расспрашивают».

Конники появились очень скоро.

Это были два крепких молодых парня во главе с сотником.

— Велено вас доставить в столицу незамедлительно, где бы вы ни были, — сказал сурово сотник, доставая из сумы приказ логофета Феоктиста, свёрнутый в трубочку. — Так что собирайтесь, и в дорогу.

Андрей принялся увязывать книги.

— Вам что?! — говорил он, косясь на конников. — А с меня логофет плетью кожу спустит.

— В приказе речь только обо мне. Про тебя там нет ни слова.

Конник услышал их тихий разговор и стал подозрительно приглядываться.

— Эй, господин, что это вы там печетесь? Уж не сбежать ли задумали?

Потом он повернулся к Андрею.

— Ты тут живёшь или пришлый? Откуда взялся?

Раздумывать было некогда.

— Пришлый он, пришлый, — ответил за него Константин, — из другого монастыря пришёл.

— А пришлый, так пусть и топает, откуда явился. Давай, давай, не задерживай господина. Нам ещё награду за него надо получить до праздников.

Константин и Андрей простились молча, лишь взглядами.

Андрей отправился на гору, туда, где виднелись стены монастыря. Там ждала его свобода.

Константин сел на коня и, окружённый конниками, двинулся к столице.

Александр КУШНЕР

Рыцарский зал

Рис. Г. Моисеевой

*Я видел картины, и вазы, и чаши,
По залам я долго плутал,
Но лучше, но лучше всего в Эрмитаже,
По-моему, рыцарский зал.
Висят там старинные флаги,
Там копья блестят и мечи,
А главное, главное: кони к атаке
Готовы, садись — и скачи!
Военные сильные кони,
Как танки, в тяжёлой броне.
Наверное, грохот стоял при погоне,
На шее броня, на спине.
А всадники — в латах железных,
И каждый на башню похож.
Как сладить с таким — никому неизвестно,
Его и копьем не пробьёшь.
Ах, мне бы такие доспехи,
Почистил бы их и помыл,
Залез бы я в них, а для пущей потехи
Забрало бы я опустил.
Меня, озираясь пугливо,
Спросили бы: «Кто вы такой?» —
«Я рыцарь дон Дьего, всегда Справедливый,
Клянусь моей правой рукой!»*

Они повернули и вскоре снова очутились возле замка. Из-под арки ворот, маршируя, появились солдаты.

— Посмотрите на солдат! — воскликнула Далси.

— Не могу. Меня мутит, — пожаловался Джордж.

Впереди колонны несли знамя.

Когда-то у Алисы был муж, и этот муж служил в армии капралом.

— Да-а, — вздохнула Алиса, — жизнь солдата трудная, ужасная трудная...

— Хочу солдата! — потребовал Дики.

И едва он это произнёс — рядом с повозкой вырос самый настоящий солдат.

— Ты?! — взглядевшись в солдата, воскликнула Алиса, ибо узнала в нём своего исчезнувшего мужа. — Где ты пропадал?

Солдат, которого пожелал Дики, вежливо дотронулся до своего головного убора и радостно сказал:

— Я не я буду, если это не ты, Алиса!

— Я тебе покажу Алису! — закричала Алиса. — Будь у меня в руках полено... — она не договорила и испуганно захлопала глазами, потому что полено в мгновение ока очутилось у неё в руках. Не раздумывая, Алиса запустила им в солдата, но, к счастью, полено, не долетев до Алисиного мужа, исчезло.

— Дайте мне ещё одно полено! — потребовала Алиса.

Солдат спрятался за дерево.

— Господи помилуй! Жена, чем ты в меня швыряешь?

— Ах ты, проходимец несчастный! — Алиса сделала попытку выбраться из тележки.

— Алиса! — вступилась Далси. — Ради бога!

— А ты знаешь, кто это? Это и есть мой муж, который у меня был. Тот, который сбежал, оставив меня с неоплаченной за месяц квартирой и без кусочка мяса! А я ещё, дура, платила адвокату, чтобы выяснить, куда правительство дело его — его вместе с его армией! Я вот ему повоюю: он у меня увидит такую войну, какой сроду не видывал! А ну выходи из-за дерева!

Окончание. Начало в «Искорке» № 11.

— Не тлогай моего солдата! — завопил Дики.

— Беги! — заорал старичок. — У неё нет ни утюга, ни скалки!

— Алиса, — сказал солдат, — я готов объяснить тебе, почему я так и не вернулся...

— Конечно, ты на это мастер! Готова спорить, ты уже что-нибудь придумал. Лучше влезай в повозку и попридержи свои объяснения до дому!..

Солдат безропотно влез в тележку.

— Не обижай моего солдата, Алиса! — строго потребовал Дики.

— Дорогой, это же Алисин солдат, — сказала Далси. — Тот самый, которого она потеряла на войне.

— Не такая большая потеря, — сказала Алиса. — Даже войне он не нужен. Поглядите на него!..

Повозка катила всё дальше и дальше. Солдат и старичок примостились у заднего борта.

— А как зовут твоего мужа, Алиса? — спросила Далси.

— Экседес. У него был ещё братишка, но тот умер с голоду в раннем детстве.

— Я тоже был на войне, — сказал старичок, обращаясь к мужу Алисы.

— На какой? — спросил тот.

— Я так никогда этого и не узнал. Помнится, на ней была тьма-тьмущая народу.

— Похоже, это та самая, на которой был я, — сказал солдат.

— Все войны похожи одна на другую...

— И я так думаю, — поддержал солдат. — А вы ехали на свою войну по воде?

— По воде? — переспросил старичок.

— Я спрашиваю, переезжали вы через большую воду? Ну, это была война так война, скажу я вам! Сто дней всё вода и вода. И нигде ни травинки! Я знал, что на войне убивают, но тут я просто не мог дожидаться смерти. Не пойму, как люди умудрились вырыть такой большущий пруд? Да и что с этим прудом делать? Разве что собрать в нём все увеселительные лодки мира.

— Нет, это была не та война, —

сказал старичок. — Они просто пришли на поле моего отца и устроили войну, и я пошёл драться.

— По крайней мере, вам не пришлось ехать далеко, — сказал Алисин муж, — и то ладно.

— А потом я пошёл на другую войну.

— Мне нехорошо! — захныкал Джордж; он глядел на всех страдальческими глазами. — Я думаю... меня вытошнит.

— А кто выиграл войну, на которой вы были? — спросила Далси.

— Не знаю, мам, — откликнулся старичок. — Я не выиграл.

— Что верно, то верно, — согласился муж Алисы. — Я ещё не видел солдата, который что-нибудь выиграл в войне. В следующий раз, когда она начнётся, я не пойду на неё, а просто останусь в армии.

— Да, я тоже думаю, так будет лучше, — кивнул старичок.

— Меня сейчас вытошнит, — опять сообщил Джордж.

И это оказалось правдой.

Все спешили, чтобы помочь Джорджу, а когда ему немного полегчало, помогли забраться в тележку.

— Можно, я сяду на его пони? — спросил старичок.

— Конечно, — сказал Морис.

— А почему вы с самого начала не попросились на пони? — поинтересовалась Далси. — Если это вам так нравится. И почему вы не пожелали ничего, кроме пирога и мороженого?

— Не знаю, — сказал старичок. — Я об этом не думал. Хотя, конечно, от кулёчка леденцов я бы и сейчас не отказался.

И едва он так проговорил — у каждого из них оказалось по кулёчку с леденцами.

— У меня мягкие, — попробовав, сообщил старичок. — В белую и розовую полоску. Когда-то я любил твёрдые, но теперь у меня зубы не те...

— А ну-ка, дайте я погляжу на ваши зубы, — потребовала Далси.

Старичок разинул рот — ни одного зуба там не было.

— А почему бы вам не пожелать искусственные зубы? — спросила Далси.

— А что это такое?

— А вот пожелайте и увидите.

— Ладно, — согласился старичок и громко произнёс: — Хочу искусственные зубы!

После чего с некоторым удивлением и испугом схватился за подбородок.

— Ну как, они вам нравятся? — спросила Далси.

— Боюсь, что не очень. Я уже привык без зубов. — Старик вынул изо рта искусственные челюсти и стал разглядывать. — Э, да они просто красавцы! И могут служить украшением на каминной полке. Пожалуй, я их туда и поставлю. Между прочим, — продолжал он, — в этой войне, на которой я участвовал, мне много приходилось ездить верхом. И вот каким манером я это делал...

Старик вдруг лихо пустил пони во весь опор, а потом заставил его на

полном скаку повернуть назад. Длинная борода старика развевалась на ветру как флаг.

— Не знаю, в какой войне вы участвовали, — буркнул Джордж, — и как вы там воевали, но готов держать пари: если бы, к примеру, из этих кустов выскочил сейчас лев, вы бы со страху упали замертво!..

Тут Далси завизжала, муж Алисы взревел как горн; впрочем, все звуки перекрыл голос Алисы.

Посреди дороги, прямо перед ними, сидел лев!

Муж Алисы, капрал Экседес, влез на дерево. Алиса помчалась в сторону, держа на одной руке Дики, а другой волоча за собой Далси. Рядом с ними, вереща дурным голосом, нёсся бедняга Джордж. Только старичок несколько замешкался и поотстал от них.

— Куда вы! Стойте! — кричал рыжеволосый Морис. — Лев вас не тронет! Возвращайтесь назад!

Алиса, прислонившись к дереву, с трудом переводила дыхание.

— Мы вернёмся не раньше, чем вы уберёте отсюда это страшилище! — крикнула она. — Далси, не смей туда ходить!..

— Убрать его может тот, кто задумал желание, — ответил Морис. Он гарцевал на испуганно храпевшем пони совсем близко от льва. — Кто загадал желание? Если не ошибаюсь, ты, Джордж?..

— Боюсь, что я, — издали отозвался Джордж.

— Ты и теперь не отказываешься от своего желания?

— Отказываюсь, отказываюсь, — поспешно сказал Джордж.

Лев тут же сгинул.

— Ну, теперь мы можем вернуться, — сказала Далси.

— Что ты! — удержала её Алиса. — Он просто затаился за тем деревом! Я его видела!

— Его нет, он ушёл, — уговаривал Морис.

Алиса старательно исследовала соседние деревья, но лев и в самом деле исчез.

— Ой, а где наши пони? — испуганно спросила Далси.

— Вероятно, разбежались, — ответил Морис.

— Значит, нам теперь придётся добираться пешком?..

— В моём ранце не осталось больше ни одного пони, — с сожалением ответил Морис.

— Я потерял своего джиллипуса, — спохватился вдруг старичок. — Он, видать, выпал у меня из кармана.

— Очень жаль, — сказала Далси. — Это был славный джиллипус. Вот если бы он вдруг взял и заговорил. Тогда бы мы наверняка сумели его найти...

— Я бы и сам хотел его найти, — ответил старичок, — это был отличный джиллипус.

— Эгберт, — послышался из травы тонюсенький голос. — Это я. Сейчас я иду к тебе.

— Эгберт — это моё имя, — радостно пояснил старичок, — так меня зовут.

Тонюсенький голосок приближался, и вскоре все увидели джиллипуса, который бежал по траве.

— Маленький щеночек! — обрадованно воскликнул Дики и, вероятно, от полноты чувств, схватил палку и огрел им джиллипуса.

— Что ты делаешь, Дики?! — ахнула Далси.

Но было поздно: деревянный джиллипус развалился на части.

— Скверный мальчишка! — повторила Далси. — Зачем ты это сделал!..

Старичок, уткнувшись в рукав рубашки, плакал.

Тут из травы донёсся ещё один голос, все посмотрели вниз и увидели... Дики! Дики, ростом с небольшого оловянного солдата, стоял в траве.

— Дики! — закричали Алиса и Далси.

— Он совершил недоброе дело и причинил другому боль, — тихо проговорил Морис.

— Не наступите на него! — взвизгнула Далси.

И тут все увидели, что Далси, а вместе с ней Алиса, тоже вдруг становятся маленькими. Вот они почти скрылись в траве, появились снова, вот Алиса подобрала Дики и усадила на руку, а другой рукой прижала к себе Далси.

— Старый болван, посмотри, что ты натворил! — закричала Алиса на старика тоненьким, но достаточно пронзительным голосом.

— Просто и не знаю, что делать, — покачал головой Морис. — Дики останется маленьким до той поры, пока не сделает что-нибудь доброе. И покуда он это не сделает, Алиса с Далси останутся с ним.

— Мне думается, — сказал старичок, — будет лучше, если мы все станем маленькими, тогда мы сможем держаться вместе...

— Превосходная мысль! — одобрил Морис.

— Только не для меня. Я не хочу быть маленьким, — заявил Джордж. — Я хочу быть дома.

И Джордж исчез.

— Эх, — вздохнул старичок, — я

так и не смог ему доказать, что запросто победил бы того льва, если бы его появление не было для меня столь неожиданным.

— Я бы его тоже победил, — под-держал старика муж Алисы.

Тут они все трое превратились в маленьких и оказались рядом с Алисой, Дики и Далси. Вокруг рассти-лался лес, где каждое дерево напо-минало лезвие меча. Но ни ветвей, ни листьев на этих деревьях не было.

— Это трава, — продираясь сквозь чащу, пояснял Морис.

Остальные шли за ним следом. Алиса держала на руках Дики и не отпускала от себя Далси.

Вскоре они очутились у высокой жёлтой горы.

— Странная гора, — сказал Эг-берт. — Сдаётся мне, она из дерева.

Но сколько они ни ходили у её подножья, никак не могли её обойти.

— По-моему, это джиллипус Эг-берта, — сказал Морис.

— Бедный джиллипус, — вздохнул Эгберт, — как бы я хотел его снова найти.

И не успел он так сказать, стран-ная гора на их пути бесследно ис-чезла.

— Ой! — воскликнул испуганно Эгберт. — Что-то прыгнуло ко мне в карман! — Он сунул руку и выта-щил оттуда джиллипуса. — Ура, — обрадовался Эгберт, — он у меня снова!..

Они вышли из леса и очутились в пустыне. И тут великанская сойка, крупнее самого огромного орла, ата-ковала их.

Такой сойки ни Алиса, ни Алисин муж, ни сам старикан Эгберт нико-гда не видывали.

— Кидайте на землю вашу шля-пу! — не растерялся Морис.

И пока муж Алисы храбро отгонял птицу, старик Эгберт скинул с себя шляпу, и Морис тут же пожелал, чтобы шляпа превратилась в огром-ную суповую миску... Шляпа не за-ставила себя долго ждать, и все по-спешно нырнули под неё.

Когда птица улетела, муж Алисы осторожно выглянул из-под шляпы.

— Господи помилуй! — восклик-нул он и немедленно нырнул назад. — Никак начинается землетрясение!

И в самом деле, земля под ними неожиданно поднялась вверх, и они повалились друг на друга, но затем землетрясение, вероятно, двинулось дальше. Потому что почва начала вздыматься несколько в стороне от шляпы.

— Это крот, — успокоил всех ры-жеволосый Морис. — Всего лишь крот. Но будет лучше, если мы вер-нёмся в лес и подумаем, что делать дальше.

И они снова повернули назад — в мир странных плоских деревьев.

Когда все немного отдохнули, Мо-рис сказал:

— В путь! И часа ждать
нельзя.
Все на поиски, друзья!

— Айболита! Не встречал.
Может, в Африку умчал!..
Слышал я, что в Африке
Кашляют жирафики.

Не успели!..
Самолёт
Начал дальний перелёт
И, согласно графику,
Курс берёт на Африку.

— А что, если муж Алисы снова станет большим, мы взлезем в его солдатскую панаму — она прочнее шляпы Эгберта и в ней нет дыр, и он отнесёт нас домой?..

Все с радостью согласились, найдя предложение Мориса вполне разумным, и пожелали, чтоб муж Алисы снова стал большим.

Капрал Экседес осторожно усадил каждого в свою солдатскую шляпу.

— Эй, ты, большой дурень! — крикнула на него жена. — Неси нас с ребёнком осторожней, а не то я потом оторву тебе голову!

Капрал Экседес, стараясь не тряхнуть и не качать панаму, тронулся в путь.

Вскоре Дики заснул, да и Далси начала подрёмывать, но ей было непривычно без подушки, поэтому она невзначай подумала: «Хорошо бы сейчас очутиться в тёплой мягкой постели!», — но она тут же спохватилась и пронзительно закричала: — Нет, нет, не хочу!..

Увы, было поздно. Она снова увидела себя дома, в своей постели.

— Я не хочу быть здесь! Не хочу! — в отчаянье повторяла Далси. — Мне надо разыскать мистера Эгберта, уж он скажет, куда подевались остальные!..

И в тот же миг она очутилась перед домом мистера Эгберта.

«Но ведь это не то место, где я их оставила! — подумала Далси. — Я хочу быть именно там, где Алиса с мужем и все остальные!..»

Но её желание осталось желанием. Она по-прежнему стояла перед домом мистера Эгберта. И тут она вспомнила о голубом листочке. Сунула руку в карман — листочка не было.

В растерянности стояла Далси посреди дороги, как вдруг услышала: кто-то за домом колет дрова. Она открыла калитку и вошла во двор. У самого крыльца лежала тонкая мелкая стружка, словно кто-то совсем недавно строгал здесь перочинным ножом, а неподалёку валялись на разном расстоянии друг от друга уют, будильник и скалка. Далси обошла кругом дома и увидела ста-

ричка с длинной седой бородой. Старик колол дрова.

— А где остальные, мистер Эгберт? — спросила Далси.

Старичок от неожиданности выронил топор и вопросительно уставился на неё.

— Слушаю вас, мэм.

— Я их потеряла, — пояснила Далси. — Мы были все вместе, а теперь я не могу их найти.

— А, так значит, у вас был пикник? — оживился старичок. — Я, бывало, часто ходил на пикники.

— Но вы ведь были с нами, — удивилась Далси. — Вы что, тоже потерялись?

У старичка были добрые голубые глаза.

— Да, я участвовал во многих пикниках, — с удовольствием сказал он. — Но вот уже давненько на них не был.

— Как не были? — изумилась Далси. — Сегодня утром были! Разве не помните? Вы ещё ели яблочный пирог и мороженое!

— Неужели? — не поверил старичок и покачал длинной седой бородой. — В молодости я действительно был большим любителем мороженого. Но сейчас... Не угодно ли присесть на это бревно, мэм?

Огорчённая Далси села. Старичок примостился рядом.

— Боже, боже, — вздохнул он, — сколько годков прошло с последнего пикника, на котором я был!.. Но теперь я не молод и даже немного обленился. Вот почему я колю дрова — небольшая разминка, небольшая разминка...

— Сколько вам лет? — спросила Далси.

— В минувшем апреле стукнуло девяносто два.

— Значит, вы не знаете, где они, — вздохнула Далси. — Я была с вами, а потом потерялась, и теперь никак не могу их найти. Мне страшно... — Далси заплакала.

Старичок в волнении вскочил на ноги и, прищёлкнув языком, полез в карман.

— Смотрите, — сказал он, — что я тут смастерил.

Далси вытерла глаза и ахнула:
— Да ведь это джиллипус!
— Разве эта штука называется джиллипусом?.. А я не знал. Если он вам нравится, можете взять его себе.
— Я хочу Алису и Дики, — печально сказала Далси и снова заплакала.

Старичок опять прищёлкнул языком и запустил руку в карман.

— А это я нашёл сегодня утром на дороге. Сначала я подумал, что это обыкновенный листок, но теперь думаю, это перо сказочной птицы рух.

Далси посмотрела и всплеснула руками.

— Если хотите, можете тоже взять себе.

— Спасибо! Большое спасибо! — воскликнула Далси и крепко зажала листок в руке. — Если мы ещё когда-либо отправимся на пикник, мы обязательно зайдём за вами, — сказала Далси.

— Когда-то я был большим мастером устраивать пикники, — сказал старичок, но тут дверь, ведущая в дом, раскрылась, и из глубины послышался сердитый женский голос:

— Эгберт!

Дверь снова захлопнулась. Старичок поспешно схватил топор и с остервенением принялся колоть дрова.

— Я хочу, — тихонько сказала Далси, — быть где все!..

И как только она это произнесла, вновь увидела и Алису, и Дики, и Мориса...

— Далси, Далси! — радостно закричала Алиса и прижала Далси к себе, а потом Далси обняла Дики.

— Дики, как ты снова стал большим? — спросила Далси.

— Этот старый бродяга Эгберт, — пояснила Алиса, — опять было потерял своего джиллипуса, а Дики искал и нашёл. И знаешь, где он его нашёл? За шляпной подкладкой!..

— Идёмте, — сказал Морис.

Они находились в долине, и им предстояло добраться до реки.

И они шли и шли по долине, пока не увидели вдруг дерево, всё усыпанное разноцветными листьями.

— Вот оно, дерево желаний! — воскликнула Далси.

Морис и остальные согласились, что, возможно, это оно и есть.

Но когда они приблизились к дереву, увидели, что разноцветные листья — это птицы, а под кроной дерева стоит высокий седой старик.

Каприз
Экседес
осторожно
усадили
каждого
в
свою
сагайт-
скую
шляпу.

— Доброе утро, Фрэнсис,— поздоровался с ним Морис.

— Доброе утро, Морис,— ответил старик.

— Это Далси и Дики,— представил Морис,— а это Алиса и её муж.

— Мы ищем дерево желаний,— сказала Далси.

Старик внимательно поглядел на них, и глаза его блеснули.

— Вы нашли его? — спросил он.

— Мы не знаем,— ответила Далси.— Мы думаем, что, может быть, это оно.

Старик с минуту молчал, затем заговорил:

— Разве сегодня утром каждый из вас не сорвал по одному листу с дерева, которое вы нашли?..

— Да,— призналась Далси.

— Прекрасно. Это и было дерево желаний. А теперь представьте, что получилось бы, если бы тысяча ребят — и не только ребят! — сорвали с этого дерева хотя бы по одному листочку. Осталось бы что-нибудь другим?..

— Нет,— вздохнула Далси.

— Тогда верните то, что вы взяли. Я прикреплю каждый лист к дереву.

Молча Алиса, Морис, Далси и Дики протянули старику свои сокровища.

— Ну вот,— сказал старик,— теперь я вам тоже что-нибудь подарю. Тебе, Далси, вот эту синюю птицу. Береги её. А для тебя, Алиса, я выберу алую птицу. Для тебя, Дики, вот эту маленькую с голубыми перьями на хвосте. Тебе, Морис, этого золотого скворца.

— А для мужа Алисы? — спросила Далси.

— Он будет помогать Алисе, и этого для него будет вполне достаточно.

— А для Джорджа? — не унималась Далси.

— Для Джорджа? Если вы вспомните, ни одно из желаний Джорджа не сослужило никому добрую службу. Сначала он обещал тортом и клубничкой, затем ему срочно захотелось проверить храбрость мистера Эгберта, и он пожелал льва; потом, когда вы оказались в беде, он предпочёл оказаться дома.

— Ну, а мистер Эгберт? — стояла на своём Далси.— Он-то ведь заслужил!

— Ему, к сожалению, я ничего не могу дать,— подумав ответил Фрэн-

сис. — Он стар, и у него не осталось почти никаких желаний. Кстати, куда он девался?

— За ним явилась жена и увела его, — доложила Алиса.

— Стало быть, — заключил Фрэнсис, — ни в чём другом он и не нуждается. Прощайте!..

— Спасибо! До свиданья, — сказала Далси.

— До свиданья, — сказали остальные.

Но старый Фрэнсис только улыбнулся в ответ.

Скоро они подошли к реке, вода в которой, не в пример всем другим рекам, не была плоской и ровной, а стояла торчком — наподобие стены или тумана.

И сквозь эту водяную стену можно было разглядеть улицу и дома. Вода издавала запах глициний.

— Какая странная река! — воскликнула Далси.

— Придётся перейти эту реку, — сказал Морис.

— Я боюсь, — заявила Далси. — Мне страшно.

Но рыжеволосый уже вступил в воду, и Алиса с мужем и Дики последовали за ним.

— Подождите! — крикнула Далси, но они не обернулись, только на миг мелькнуло в тумане лицо рыжеволосого мальчика, и все исчезли.

Тогда Далси бросилась вперёд, вытянув перед собой руки... Где-то далеко (или ей это только показалось) как путеводный огонёк сверкнули золотистые волосы мальчика.

Это было похоже на сон.

Это и был сон.

И Далси проснулась. Руки и ноги пощипывало так, словно она только что съела мятную лепёшку.

«Что это? — подумала она. — Что бы это могло значить?»

— День рождения! День рождения! — услышала она голос рядом.

Далси широко раскрыла глаза — перед ней был Дики, а рядом стояла мама.

— Посмотри, — сказала мама, протягивая Далси клетку с синей птицей. — Это тебе.

Далси завизжала от восторга.

— Я тоже хочу птицу! — заявил Дики.

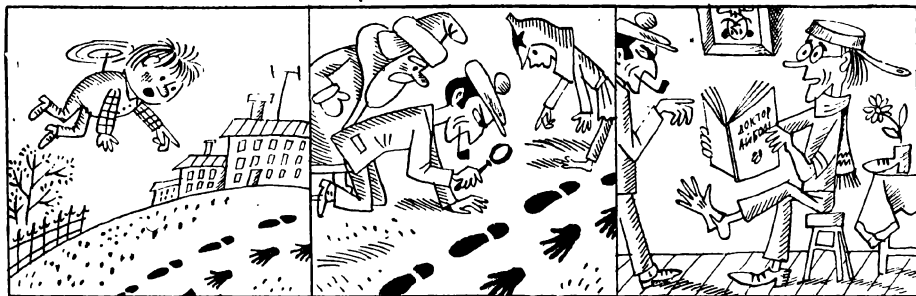
— У нас будет общая птица, — сказала Далси и разрешила подержать подарок.

«В следующем году, — подумала она, — у меня опять будет день рождения, и если не забыть лечь в постель с левой ноги, а потом перевернуть подушку, — кто знает, что может произойти ещё?..»

Перевела с английского

П. ДЛУГОЛЕНСКАЯ

Рис. Ю. Бочкарёва

— Ты догонишь!

— Не догнал!..

Мой моторчик очень мал.

Мне б заправиться

вареньем,

Мармеладом и печеньем,

И тогда — хоть до звезды!

Видю странные следы...

— Правый след и левый

след...

Это — он! Сомнений нет!

Знаю я, что ходит так

Только лишь один чужак.

— Айболит! А он какой!

Может, это Болит-ой!

У меня он, вроде, был...

Но куда исчез — забыл!

Борис НИКОЛЬСКИЙ

Письмо президенту

Недавно одна из ливанских газет опубликовала письмо, адресованное американскому президенту Дж. Картеру. Написал его четырнадцатилетний палестинский мальчик. Вот оно, это письмо:

«Господин президент!

Говорят, что вы тот самый человек, который даёт оружие Израилю. Оружие, с помощью которого палестинцев не пускают на родину, убивают в их лагерях. Я хочу знать, почему!

Мои родные говорят, что вы поступаете так, чтобы вас снова избрали президентом. Но я не верю. Ведь человек не может быть таким жестоким. Я видел ваши фотографии. На них вы совсем не злой. Я видел много американцев, они хорошие люди и совсем не похожи на тех, кому нравится, чтобы ими правил убийца.

Я говорил об этом с моим дядей, и он сказал, что люди на таких высоких постах, как ваш, не думают о человеческих судьбах. Если для достижения своих целей им нужно принести что-то в жертву, они, не задумываясь, это делают, даже если жертвами оказываются люди.

В это я тоже не верю. Мне кажется, вы должны ценить человеческую жизнь. Ведь вы выступаете защитником прав человека. А мы хотим только иметь свой дом. Наш дом в Палестине, откуда нас изгнали и куда нам не позволяют вернуться. Что же, по-вашему, нам остаётся делать!

Быть может, всё это происходит потому, что вы не знаете наших проблем. Надеюсь, что это так. Иначе я должен поверить всему, что о вас говорят.

Отчего четырнадцатилетний мальчик был вынужден обратиться к президенту США с таким письмом! Какие события побудили его к этому!

У арабского народа Палестины — трагическая судьба. В результате агрессивной политики Израиля палестинцы лишились своей земли, своей родины, оказались изгнанными. Уже много-много лет они вынуждены жить в специальных лагерях на территории Ливана, Сирии, других арабских стран. Четырнадцатилетний автор письма президенту США родился в одном из таких лагерей и никогда не знал, что такое жить на родной земле.

Палестинцы хотят одного — создать собственное государство. Это их право поддерживает нынче подавляющее большинство стран и народов мира. Но осуществить законное стремление арабского народа Палестины мешает Израиль, а за спиной Израиля стоит его союзник — Соединённые Штаты Америки.

Против палестинцев, живущих в Ливане, Израиль ведёт самую настоящую войну. От многих деревень и посёлков на юге Ливана остались одни развалины. Современные боевые самолёты, полученные Израилем из Соединённых Штатов, бомбят лагерь палестинцев, обстреливают ракетами. Израильская артиллерия непрерывно и беспощадно бьёт по городам и деревням южного Ливана. Израильские солдаты врываются на территорию Ливана.

Правда, время от времени Соединённые Штаты «высказывают сожаление», «осуждают» Израиль за разбойничьи нападения на Ливан, на палестинские лагеря. Но это на словах. А на деле... На деле они шлют Израилю всё новое и новое оружие.

В те же самые дни, когда четырнадцатилетний палестинец написал своё письмо Джеймсу Картеру, к президенту Соединённых Штатов обратился ещё один человек — министр обороны Израиля Вейцман. Ни много ни мало — почти три с половиной миллиарда долларов просил, а точнее сказать, потребовал израильский министр у американского президента на военные расходы. Не знаю, получил ли ответ на своё письмо палестинский мальчик. Вряд ли. Но зато уж министр уехал из Соединённых Штатов не с пустыми руками.

БЕЛАЯ

МАРФА

1.

Мне и сейчас кажется, что лучше той кошки никогда на всём белом свете не было.

Однако с молодости Марфе не задалась жизнь. Казалось, такой красивой, такой белопухой кошке нетрудно устроить свою судьбу, а нет... Трёх хозяек сменила она, а счастья всё не было.

Почти полжизни прожила Марфа в большом городе. В удобной и чистой квартире жилось сытно. Но вот однажды посадила её хозяйка в корзину, вывезла за город и выпустила. Бросила, бессердечная. Думала, кошка затеряется, но Марфа дорогу запомнила. Хозяйка как увидела её, так и онемела. Но вместо того, чтобы оценить Марфину преданность, хозяйка её же и обругала, напустилась на бедную: вот, мол, и не ждала

тебя, вот, мол, и миску твою уже выкинула. Чуяло Марфино сердце, что не к добру ворчит хозяйка.

Так оно и случилось.

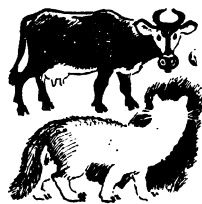
2.

В выходной день снова оказалась Марфа в той же корзине. Сверху корзина была увязана платком. Ехали долго — на трамвае, автобусе, потом был поезд. После долгих часов и многих остановок оказались на вокзале. От вокзала ехали на автобусе, и дорога эта была самая трудная: трясло так, что Марфе когтей не хватало за корзину держаться. Беда, а не дорога...

В отдалённой деревне отыскала хозяйка дом и из рук в руки передала Марфу новой повелительнице, а сама уехала.

Неделю скучала Марфа, под конец умылась кошачьими слезами и принялась жить.

Дом оказался хороший. Исправный. С коровой. Марфа так влакалась в парное молоко, что шерсть у неё залоснилась, и лапы стали мягче, добрей. А тут ещё и хозяин нет-нет да и бросит ей мяса — ешь на здоровье! И кости в углу не переводились — житьё!

Однако не всё в этом доме Марфе нравилось. Недолгоблизала она хозяйку за то, что та кричит громко. А как начнут они с хозяином друг перед другом хвалиться, Марфе хоть из дому беги. Сама-то Марфа могла бы притерпеться, на печи могла бы отсидеться, но тут по весне дети у неё пошли. Принесла Марфа четырёх котят — ласковых, беспомощных, краснозевых. Детей — известно — воспитывать надо, а чему они могли научиться в том дому? Тут и на печи нервную болезнь наживёшь...

Подыскала Марфа другой дом. Тихий. Неброский. Перенесла в тёмную ночь всех своих котят на его чердак — никто не видал. Навсегда ушла Марфа из сытого дома. Прощай, парное молоко! Дети дороже.

3.

Новая хозяйка оказалась неприветливой, да и со здоровьем у неё было плохо. В доме — развал. Крошки хлеба, рассыпанная на полу крупа радовали только мышей, а их развелась — тьма! Поначалу хозяйка кошке обрадовалась: авось, мышей переловит. Но Марфа мышей не ловила. В городе её держали в квартире, потому и не могла она на мышах лапу набить. Стыдно признаться, но было это так.

Хозяйка начала кошку поругивать. Хаяла её по деревне. Мальчишки припоровились в неё, бесполезную, палками да камнями бросать. Собаки сразу почуяли, что Марфу можно трепать безнаказанно, и не раз загоняли на деревья.

Хозяйка Марфу не кормила, сама она не охотилась и вскоре так исхудала, что даже щенки стали её обижать — пример с больших взяли.

Целыми днями сидела Марфа на дереве, что росло во дворе, и смотрела вниз. Там внизу ходили куры во главе с гордым петухом, но и он боялся собак — это Марфа хорошо видела сверху. Мальчишки не замечали её и пробегали мимо. Собаки — те, что из охотничьих, — чуяли её и порой лаяли, задрыв морды. Нередко Марфа оставалась на дереве и на ночь. Там она встречала солнце и ждала, когда выйдет из дома хозяйка. Вот она кашляет за дверью, ворчит на мышей, проклинает Марфу и тащится к сараю выпустить кур. Потом кормит их давленной картошкой и хлебом, а сама уходит досыпать.

В эти минуты, пока улица пустынна и во дворах ещё нет мальчишек, Марфа спускалась с дерева и подходила к курам. Она очень боялась петуха, но голод заставлял её робко подходить и брать кусочек картофелины или корку хлеба. Куры судачили по её адресу, осуждали, петух норовил клюнуть, а когда Марфа отскакивала, он хлопал крыльями и орал во всё горло, чтобы она убиралась подальше.

А куда?

В город — Марфа знала — ей не добраться. Ко второй хозяйке на парное молоко ей давно хотелось пойти, но гордость не пускала. Один раз, правда, она пробралась к тому дому и наблюдала из кустов, как хозяйка несёт со двора целое ведро парного молока. Марфа не удержалась и пискнула, но тут же устыдилась своей слабости и убежала. Как назло на неё напала злая собака, а дерева близко не было. Марфа растерялась, выгнула спину, зашипела, и в тот момент, когда страшная собачья морда дохнула на неё жаром, она царапнула её когтем по холодному носу и вспрыгнула на забор.

Обозлённый пёс больше часу держал Марфу на заборе, а она смотрела на него сверху и не понимала, за что он её ненавидит.

В тот день Марфа из деревни исчезла, а куда — никто не знал.

4.

Наступила вершина лета — июль. На просеках поспели ягоды. Дети и взрослые — все, у кого выпадал свободный час, — стремились в лес.

И вот однажды прибежали из лесу перепуганные ребята. В один голос они говорили, что видели страшную рысь. Они говорили, что рысь тащила огромную птицу. Стали остерегаться леса, в одиночку никто не ходил, рысь — животное коварное, страшное.

Перед грибным сезоном снарядили в лес охотников с ружьями. Пошли самые смелые. С утра до ночи бродили они по лесу, но так ничего и не нашли. Правда,

одному молодому охотнику показалось, будто что-то белое мелькнуло в ветвях старой сосны.

— Рысь! Белая! — закричал он.

Но охотники ему не поверили: он был ещё молод, а белых рысей на свете не водится.

— Ладно! — обиделся он. — Завтра я приду сюда один и убью белую рысь!

5.

Когда Марфа уходила жить в лес, она думала, что там много деревьев и можно на любое вспрыгнуть, если появятся собаки. Но собак в лесу не было. И Марфа впервые почувствовала себя на свободе. Ей это так понравилось, что она решила остаться в лесу на ночь. Забралась на старую сосну, нашла там покинутое гнездо и спокойно выпалась.

Утром она заметила, что многие в лесу её боятся. Боятся птицы, боятся зайцы, не говоря о всякой мелочи. В первый же день она позавтракала тетеревёнком. Расправилась со змеей, но есть её не стала. На опушке впервые в жизни поймала мышь и почувствовала себя сильной. Это было прекрасное ощущение!

За несколько недель Марфа изменилась. Стала чуткой. Её прыжки с ветки на ветку были точны, как у белки или рыси. Ей нравилось пугать соседей — так, из баловства. Один раз она нашла беличье гнездо с молодыми бельчатами. Глаза её разгорелись, когти вышли из подушечек, но она вспомнила своих котят и оставила соседей по сосне в покое.

У Марфы теперь было всё — простор, воля, много вкусной еды, довольство собой.

Но однажды на Марфу напала лиса. Лиса была старая, опытная, подкралась тихо. Она думала, что это заяц, оставшийся белым с зимы. Марфа кинулась бежать по траве. Пошла прыжками, но лиса настигала, и тогда Марфа метнулась на дерево. Быстро, как белая искра. Лиса за всю свою долгую жизнь ни разу не видала, чтобы зайцы на дерево прыгали. Её это так удивило, что она ушла в глубь леса с раскрытой пастью: надо же, зайцы стали на деревья прыгать! Теперь ни одного не поймаешь. Нет, видно, помирать пора.

6.

Молодой охотник решил сдержать слово — убить белую рысь. Час он ходил по лесу. Ходил два — ничего. Утомлённый, присел он под ту самую сосну, где после сытного обеда изволила отдыхать Марфа в своём гнезде.

Марфа слышала сквозь сон чьи-то шаги. Проснулась. Посмотрела вниз и увидела человека. Ружьё её не смутило. Знакомо пахло одеждой, людской жизнью. Ей вспомнились хорошие люди, гладившие её, когда она была маленькой и игривой, — вспомнилось всё хорошее, что было в её жизни среди людей. Почему бы, — подумала Марфа, — нам не познакомиться?

Она спустилась на нижний сучок, прицелилась и точно прыгнула на плечо спящему охотнику.

Когда её тяжёлое тело, пропитанное лесным духом — хвоей, смолой, травами, — грузно шмякнулось на охотника, тот взвился как кабан. Упал на бок, перекатился по траве, и побежал по кустарнику к просеке и по ней в деревню.

А ружьё осталось валяться под сосной.

Холод, как голод, не тётка. Это давно известно.
Пришли холода и в Марфин лес.
Давно залёг в берлогу медведь.
Отлетели птицы.

Заяц начал белеть.

Лес стал прозрачным и скучным. Холодало всё сильнее.

Марфа выстлала гнездо мохом, как у белок, но сделала это неумело. По ночам было холодно от стужи, холодно ещё и оттого, что стало меньше корму. Полевые мыши, что жили на опушке, ушли ближе к домам, к скирдам обмолоченной соломы, свезённым к самой деревне.

Закончилось Марфино лето. Надо было возвращаться в деревню.

Ещё по дороге в деревню она решила идти к третьей хозяйке — самой злой, чтобы доказать ей, что она настоящая кошка и может служить человеку.

Ещё и петух не пел, когда Марфа пробежала огородом мимо сарая. Прислушалась. Обняла окошко в подвал, насторожилась и юркнула туда.

Глупые домашние мыши! Да она лавливала и хитрых, полевых!

В одну минуту Марфа накрыла целое мышиное гнездо. Задавила шесть штук и все шесть вынесла к крыльцу — смотри, хозяйка, как я умею!

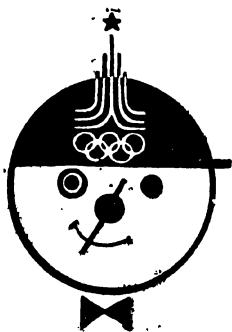
* * *

Всю зиму Марфа лежала на печи, тоскуя по вольной лесной жизни. Если набегали мыши, она с ними расправлялась в одну ночь и снова забиралась на печь.

Хозяйка ходила по деревне и хвалила свою кошку. Ребята приносили ей еду, но Марфа её не брала. С собаками она тоже стала держаться смело. После того, как рассадила нос сразу трём дворнягам, все собаки оббегали её и лаяли издали.

Недавно мне говорили, что Марфа ещё жива. Она каждую весну уходит в лес и возвращается оттуда поздно осенью, чтобы дремать на тёплой печке и ждать новую весну.

КЛУБ
«ОЛИМПИЙСКИЙ
ХРОНОМЕТР»

В. СЕМЁНОВ

*Быстрее!
Выше!
Сильнее!*

3. ПРО МУСКУЛЫ СТАЛЬНЫЕ

С глубокой древности идёт спор, кто самый сильный человек в мире.

Говорят, что в Древней Греции был такой спортсмен, звали его Милоном, жил он в городе Кротоне и был борцом, неоднократно победителем древнегреческих Олимпиад. Как-то раз в честь его многочисленных побед скульптор высек из камня статую. Памятник Милону понравился. Он подошёл к каменной глыбе, взвалил статую себе на плечи и без посторонней помощи установил на пьедестал. Таким он был сильным.

У великого азербайджанского поэта Низами есть поэма «Семь красавиц». В ней Низами воспевает силу и ловкость человека. Героиня поэмы Фитнэ, желая доказать царевичу Бехрему, на что способен тренированный человек, каждый

день поднимала над головой маленького телёночка. Телёнок постепенно рос и в конце концов превратился в быка. Но девушка так натренировала себя, что легко поднимала над головой и быка, да ещё относил его на вершину башни.

Но это всё легенды. Им можно верить, а можно и не верить. И вот спор о том, кто самый сильный человек в наши дни, помог решить спорт — штанга, тяжёлая атлетика.

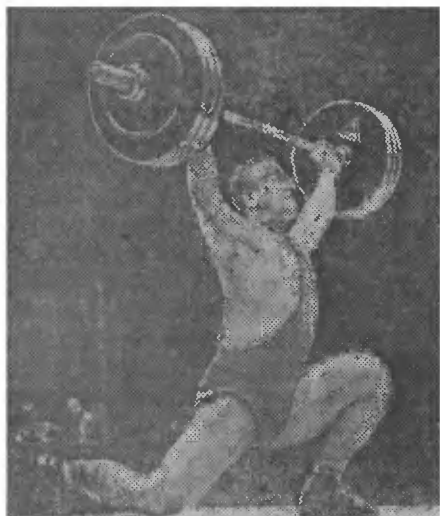
Наши атлеты уже давно доказали, что они являются сильнейшими в мире. После успешного олимпийского старта в 1952 году в Хельсинки они потеснили в тяжёлой атлетике американцев, которые до того занимали в этом виде спорта главенствующее положение. Американцы долгое время гордились тем, что мировой рекорд среди атлетов тяжёлого веса — показатель абсолютной силы человека — принадлежал их «подъёмному крану», как они называли этого спортсмена, — П. Андерсону.

Он был талантливым штангистом, чемпионом Мельбурнской олимпиады. В 1956 году П. Андерсон установил официальный мировой рекорд, подняв в сумме троеборья (в трёх движениях — жим, рывок и толчок) штангу весом в 512,5 килограмма. А потом он поднимал и больше — 517,5, 520 килограммов. И, наконец, перед тем как уйти в профессионалы, в том же 1956 году на открытом чемпионате США в Филадельфии П. Андерсон зафиксировал вес в 532,5 килограмма. Насколько впечатляющими были достижения П. Андерсона для того времени, говорит хотя бы такой факт. Ему при жизни установили в США памятник и на открытии его говорили, что такие атлеты рождаются раз в тысячу лет.

Но американцы просчитались ровно на 997 лет. Через три года появился москвич Ю. Власов и доказал, что за счёт упорных тренировок можно побить необыкновенные рекорды П. Андерсона.

Надо сказать, что при росте в

Окончание. Начало в «Искорке» № 10, 11.

177 сантиметров американский атлет весил 160 килограммов, а потом и больше. Рост Ю. Власова был 185 сантиметров, а вес всего... 127 килограммов. Я говорю всего, потому, что, по расчётам многих тогдашних тренеров, атлет вот с таким сравнительно небольшим собственным весом не мог побить знаменитых рекордов П. Андерсона. Когда Б. Гофман — американский миллионер, меценат, фактический хозяин тяжелоатлетической сборной команды США того времени и большой знаток в спорте, впервые увидел Ю. Власова, то воскликнул:

— Какой же это атлет, это же балерина!

Я помню тот день, когда началась эта поистине золотая олимпийская эстафета. Было это на Олимпиаде в Риме. Один из дворцов спорта итальянской столицы — «Палаццето делло спорто» — был заполнен до отказа. Пять тысяч зрителей не покидали своих мест, хотя соревнования затянулись, было уже далеко за полночь. Но никто не уходил, зрители ждали окончания выступления Ю. Власова, все понимали, что в заочном споре с П. Андерсоном он идёт на побитие его знаменитых рекордов.

И Ю. Власов оправдал ожидания итальянцев. Он поднял в сум-

ме троеборья 537,5 килограмма! Такого Рим ещё не видел. И хотя у Власова оставалась ещё одна попытка, итальянские болельщики бросились со своих мест на помост, подняли Власова на руки и понесли в олимпийскую деревню.

— Синьоры! Товарищи! — кричал им Власов. — Отпустите меня на землю, я хочу продолжить соревнование.

— Нет уж, — отвечали разгорячённые итальянцы, — установишь рекорд в следующий раз...

Только могучая сила Власова помогла ему вырваться из рук почитателей и снова вернуться на помост.

Накануне Токийской олимпиады Власов поднял в троеборье на от-

борочных соревнованиях в подмосковном городе Подольске сказочный по тому времени вес — 580 килограммов. Все мы думали, что он будет первым и в Токио. Но его опередил тогда молодой Л. Жаботинский из Запорожья. И тоже приятно было сидеть в зале «Сибуйа» в японской столице, зная наперёд, что титул самого сильного челове-

ка мира вновь будет принадлежать нашему соотечественнику.

Власов поднял в Токио 570 килограммов. Казалось, этого было достаточно для того, чтобы во второй раз стать олимпийским чемпионом. Но Жаботинский опередил прославленного атлета на 2,5 килограмма и продолжил золотую эстафету. Вскоре он довёл мировой рекорд в троеборье до 590 килограммов, стал в 1968 году и чемпионом Мексиканской олимпиады.

А в наши дни нас всех поражает своими феноменальными результатами В. Алексеев из Рязани. В двадцать восемь лет пришёл он в большой спорт, в возрасте, когда многие из него уходят. И, как бы желая наверстать упущенное, только за один год установил сорок один мировой рекорд! Он первым из людей преодолел в троеборье 600-килограммовый рубеж. Незадолго до Мюнхенской олимпиады на чемпионате СССР 1972 года в Таллине В. Алексеев поднял в троеборье 645 килограммов! Этот результат навсегда останется в истории спорта непревзойдённым, потому что сейчас троеборье в тяжёлой атлетике заменено двоеборьем. Исключили из соревнования жим, оставили рывок и толчок. А Алексеев как-то говорил:

— Жаль, что так рано заменили троеборье на двоеборье. А то бы я успел и 700-килограммовый рубеж одолеть.

В это можно верить. Алексеев был первым в олимпийском Мюнхене с отличной суммой в трое-

борье — 620. Да и в двоеборье он выступает отменно. На Олимпиаде в Монреале он поднял в двоеборье 440 кг. Через год на чемпионате мира в западногерманском городе Штутгарте он установил новый мировой рекорд в двоеборье — 445, а в ноябре 1977 года на большом спортивном празднике в Лужниках, посвящённом 60-летию Великого Октября, В. Алексеев установил свой 80-й по счёту мировой рекорд, на этот раз в толчке.

— За меня по крайней мере ещё три года не беспокойтесь, — сказал он тогда журналистам.

А это значит, что наш замечательный богатырь выйдет на помост Московской олимпиады, чтобы победно продолжить золотую олимпийскую эстафету, начатую двадцать лет назад Ю. Власовым.

...В квартире олимпийского чемпиона по тяжёлой атлетике заслуженного мастера спорта ленинградца Ф. Богдановского привлекает внимание стеклянный шкаф — своеобразный музей спортсмена. На его полках лежат золотые, серебряные, бронзовые медали, ценные призы, награды и дипломы, завоёванные в различных всесоюзных и международных соревнованиях.

— Сколько их у вас?

— Только золотых медалей тридцать четыре.

— А за какое время вы их получили?

— За пять лет.

Но путь к рекордам начался раньше. Вот почему спортсмен хранит среди многочисленных тиснённых золотом дипломов небольшую грамоту, выданную ему в 1948 году в родном городе. На ней написано: «Вышне-Волоцкий городской комитет по физкультуре и спорту награждает Богдановского Ф. Ф. за первое место в легчайшем весе по поднятию тяжестей в сумме троеборья с результатом 207 килограммов».

— Это свидетельство моей первой победы, — говорит Богдановский. — С детства я любил спорт. Занимался акробатикой, гимнасти-

кой и даже... путешествовал. Как-то раз соорудили мы с ребятами плот и отправились на нём по реке Тверце.

Однажды Фёдор побывал на городском конкурсе силачей. Ему захотелось стать таким же ловким, выносливым, здоровым, как выступавшие спортсмены, так же легко и по многу раз поднимать двухпудовые гири. Юноша купил себе всё необходимое для занятий и начал тренироваться. Первое время двухпудовую гирю он едва поднимал двумя руками, но постепенно его мышцы крепили.

1954 год. До отказа заполнен огромный венский «Спортхауз». Зрители с интересом следят за поединками между советскими и американскими атлетами. В полусреднем весе за победу боролись неоднократно чемпион мира П. Джордж (США) и молодой ленинградский атлет Ф. Богдановский. Это было первое его выступление на мировом и европейском первенствах. Он проиграл тогда более опытному американцу, но среди европейских спортсменов оказался сильнейшим. На следующий год Богдановский снова состязался с Джорджем. Чемпионат проходил в Мюнхене. И снова Джордж опередил нашего земляка. В третий раз оба штангиста встретились в 1956 году в Мельбурне на XVI Олимпийских играх.

«Шестикратный чемпион мира П. Джордж победит в Мельбурне», — писали в газетах накануне соревнований. А в день встречи штангистов в большом выставочном зале, вмещавшем пять тысяч зрителей, не было свободных мест. Перед тем как выйти на помост, Богдановский зашёл в раздевалку к Джорджу, чтобы пожелать ему успеха и честной борьбы.

— Как себя чувствуете? — спросил его Терпак, тренер Джорджа. — Не повторится ли снова Вена и Мюнхен?

— Думаю, что нет, — ответил Фёдор.

— Ты не веришь в бога, — вмешался Джордж, — и поэтому проигрываешь.

Американец вынул из-за пояса молитвенник и добавил:

— С ним я всегда побеждаю.

— Но у русских есть такая поговорка, — заметил Богдановский, — «На бога надейся, да сам не плошай».

А через несколько часов Фёдора Богдановского поздравили с победой. Он стал олимпийским чемпионом и установил новый мировой рекорд для атлетов полусреднего веса, подняв в сумме троеборья 420 килограммов.

* * *

«Прощай, Монреаль! До встречи в Москве!» Эти слова вспыхнули на огромном электротабло олимпийского стадиона в Монреале в день закрытия XXI игр. Это было 1 августа 1976 года. С того времени начался отсчёт дням Московской олимпиады, как принято называть четырёхлетие, отделяющее одни Олимпийские игры от других.

Олимпиада-80 будет проходить в Москве с 19 июля по 3 августа. Олимпийский огонь будет также гореть в Таллине, где пройдёт парусная регата, а также в Ленинграде, Киеве и Минске, где состоятся предварительные игры футбольного турнира олимпийцев. XXII игры будут грандиозным всемирным праздником спорта, дружбы народов, мира.

На снимках: Ю. Власов, Л. Жаботинский, В. Алексеев.

Фото В. Галактионова

ГЛАВА III

КАК УЗНАВАЛИ ЛЮДИ, ЧТО У ЗЕМЛИ ВНУТРИ

Что такое геология?

Люди давно задумывались над тем, как устроена Земля внутри. Из чего состоит, всегда ли была одинаковой? Почему, например, в одних местах всё горы и горы, а в других — только низменности, а в третьих — солёная океанская вода? В каждую эпоху люди, которые задумывались над такими вопросами, по-разному на них отвечали. Потому что сначала они знали мало, потом — больше, а потом — всё больше и больше. Постепенно из множества ответов на

вопросы о Земле сложилась целая наука. Назвали её «ГЕОЛОГИЯ». В переводе с греческого это слово как раз и обозначает: «гео» — Земля, «логия» — наука. Получается «наука о Земле». Геология — не простая наука. Посуди сам, как трудно изучать целиком всю Землю: сушу и море, реки, пустыни, горы — всё, что находится на поверхности. Мало того, надо умудриться заглянуть в глубину — выяснить, из чего сложены недра. А это задача ещё труднее.

Конечно, у людей есть множество могучих машин. Какие туннели в горах прорыты! Какие каналы проведены! Но оказывается, самая глубокая шахта не превышает шести километров. Самая же глубокая скважина уходит в глубину немногим более десяти километров. Как ты думаешь, много это или мало?..

Если представить земной шар величиной с арбуз, то такая скважина будет не глубже крохотной вмятинки на корке. А разве можно сказать, какой арбуз внутри, если только чуть-чуть поскрести ногтем его корку?.. Так и геологам очень нелегко по десятикилометровым скважинам предсказать, что находится в шестьсот раз глубже.

В те времена, когда люди ещё только учились копать первые шахты, они встречали под землёй много непонятного, а потому страшного и таинственного. Представь себе: роют, роют рудокопы узкий колодезь и вдруг «ба-бах!» — кирка проваливается неизвестно куда. А за ней и человек. Шлёпнулся, открыл глаза, в темноте нащупал факел, зажгёт его, посмотрел по сторонам и зажмурился от страха. Сидит он на куче земли в огромном зале подземной пещеры. Кругом колонны, как в королевском дворце. Стены блестят и переливаются, будто выложены драгоценными камнями. «Эй! — кричит рудокоп тем, кто остался наверху, — давайте верёвку!» А эхо от его голоса убегает в темноту и возвращается. Как будто там во мраке столпились невидимки-пересмешники. И оттого бедному рудокопу ещё страшнее.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 4, 7.

А то преграждал путь подземным мастерам водный поток. В некоторых пещерах встречались настоящие озёра. Вода в таких озёрах тихая и прозрачная. И плавают в ней удивительные слепые рыбы и животные.

Работа в старинных шахтах была опасной. То обвалы, то газ прорывался в подземные коридоры, то вода... Удивлялись рудокопы: чем объяснить, что они ухитряются по многим лет работать под землей и всегда им везёт? А другие только в шахту спустятся да так там и остаются навеки? Может быть, это горные духи: гномы, кобольды и прочие хозяева подземных кладовых подстраивают новичкам всякие каверзы?

Ты ведь знаешь сказку про Белоснежку и семь гномов? В ней рассказывается о том, как девочка попала в семью сказочного горного народца, что там увидела, что узнала. Знаешь ты наверняка и сказки про Хозяйку Медной Горы. Эта красавица жила на Урале и стерегла богатства Каменного Пояса. Хозяйка Медной Горы умела превращаться и в зелёную ящерку, и в синий огонёк, она всегда помогала добрым мастерам и наказывала злых и жадных.

Конечно, на самом деле никаких ни подземных, ни наземных духов в природе не бывает. Просто, кто знает больше, кто внимателен и осторожен, тому и в работе везёт. Так бывало раньше, так будет и всегда.

Дуэль Плутона с Нептуном

Чем больше добывали люди богатств из-под Земли, тем больше хотелось им знать, как же там в глубине всё устроено. Стали они припоминать и собирать, и записывать всё, что видели. Стали свои записи сравнивать.

Возьми, например, воду. Откуда берётся на Земле столько воды? Может быть, земной шар вообще сплошь водяной и только сверху прикрыт твёрдой корочкой?.. Не вода ли вообще главная сила на нашей планете? Бог Нептун, повелитель океанов, громоздит горы, осушает одни участки и затопляет другие. По имени морского владыки учёные-геологи,

считавшие воду главной силой, получили название нептунистов.

Но из недр земных бьют не только водяные фонтаны, но и огненные. Вспомни про вулканы. Как же это огонь и воды уживаются рядом в глубинах? С незапамятных времён определили люди повелителем подземного царства бога Плутона. Рудокопы рассказывали, что чем глубже шли подземные коридоры, тем жарче в них становилось. Может быть, Плутон — главная сила на нашей планете? Подземный огонь воздвиг горы и хребты. Подземный огонь высушил моря и превратил землю в пустыню.

Начались споры между сторонниками Нептуна — нептунистами и сторонниками Плутона — плутонистами. Да такие жаркие, что порой чуть до драк не доходило. Одни кричали: «Вода — всему на Земле начало!» Другие — в ответ: «Нет, огонь!» «Вода — огонь, огонь — вода». А вдруг оказалось, что и те и другие неправы. Нашлись третьи.

Представьте себе, говорили эти трети, что когда-то давно-давно была наша Земля раскалённым небесным телом. Охлаждаясь, постепенно превратилась она сначала в огромную каплю расплавленно-жидкого вещества, а потом, остывая, покрылась коркой.

Шло время. Земля всё больше и больше остывала. А когда тело остывает, то сжимается в объёме. Ты ведь это знаешь?.. Видел, как морщится кожица на печёном яблоке? Так и земная кора морщится и собирается в складки, а то и разрывается, приспособляясь к уменьшающемуся объёму.

Очень убедительное получилось доказательство. Оно быстро примирило плутонистов с непутонистами и скоро стало самой главной теорией в геологии.

Плавающие материки

Посмотри на карту мира и подумай, на что похожи материки? Южная Америка и Африка немножко похожи на груши, правда? Не очень красивые, конечно, даже довольно-таки корявые, но всё-таки груши.

А теперь вырежь оба эти континента и придвинь друг к другу. Плотно, ещё плотнее... Смотри, восточный выступ Южной Америки и вообще весь её восточный берег совпал с западным берегом Африки! Если и в северном полушарии проделать такую же операцию и сдвинуть Северную Америку, Гренландию и Европу, то и их берега почти сольются... Что бы это могло означать?

Такой вопрос задал себе немецкий учёный и путешественник, большой выдумщик и фантазёр Альфред Вегенер. И с тех пор потерял покой. Задать вопрос не трудно, а вот как найти на него ответ?

Вегенер жил в начале нашего столетия. Тогда все геологи представляли себе Землю постепенно остывающим телом. В середине — огненно-жидкое ядро из самых тяжёлых веществ, потом идёт более густой слой из горных пород полегче. И наконец кора из самых лёгких. Наружная ко-

рочка была ещё очень тоненькой и слабой, она всё время ломалась. Куски коры плавали на расплавленном слое, как льдины по воде, сталкивались и громоздились друг на друга. В конце концов все они сбились в одну кучу и образовали на одной стороне земного шара большую наплёпку. Эта наплёпка и была самым первым единым праматериком. Вегенер назвал его Пангеа. Только плавал тогда этот праматерик не по воде, которой ещё не было, а по океану жидкой расплавленной массы.

Постепенно под влиянием вращения Земли, притяжения Луны и других сил Пангеа стала покрываться трещинами и разламываться. И в конце концов развалилась на части. Каждая отколовшаяся часть стала отдельным материком и поплыла дальше самостоятельно. Обе Америки, отколовшись от Европы и Африки, отправились на запад. И скоро между ними образовалась широкая трещина, которая в будущем станет Атлантическим океаном. Антарктида с Австралией, оторвавшись, устремились на юг. Между Азией и Африкой пролегли трещины будущих Мёртвого и Красного морей, и берега их стали дальше и дальше уходить друг от друга.

И сегодня, если у тебя спросят: «На сколько частей делится Земля?» — ты, наверное, сразу ответишь: «На шесть!» И ответишь правильно. Кто сегодня не знает земных континентов?.. Европа, Азия, Африка, Северная и Южная Америки, Австралия, Антарктида. Сколько получилось материков? Ровно семь! А мы говорили о шести?

Посмотри на карту мира. Европа с Азией так тесно прижались друг к другу, что и не различишь, где одна кончается и начинается другая. Никакое море их не разделяет. Поэтому учёные географы и считают их одним континентом. И называют Евразией. Понятно почему?

Вот теперь, после того, как мы с тобой объединили Европу с Азией, осталось на Земле шесть частей, шесть материков или континентов.

Интересно, а было ли так всегда?..

Когда Земля была юной...

Ты, конечно, слышал, как жизнь человека делят на разные периоды. Самый первый период его жизни называется детством. Потом идут отрочество и юность, молодость, зрелость и мудрая старость.

А нельзя ли и жизнь нашей планеты разделить по возрасту на разные геологические эры? Для этого учёные-геологи исследуют окаменевшие остатки древних животных и растений, устанавливают, когда они жили, определяют возраст гор и скал... Дело это, конечно, очень не простое, но интересное.

Горы и моря на поверхности Земли, как морщинки на лице человека.

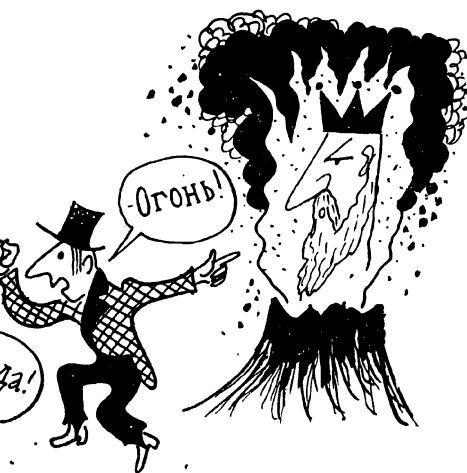

Вчера их ещё не было, а сегодня появились. Земля живёт. Её рельеф — результат действия землетрясений, извержений вулканов, страшных разломов. В далёкие времена юности нашей планеты древняя суша была ровной-ровной, почти без гор. Мелкие тёплые моря переходили в многочисленные болота. В жарком, удушливо-влажном климате росли на болотах огромные хвощи и папоротники.

Всё было в ту пору на Земле большим. Среди зелени ползали огромные пауки и сороконожки, летали большие, как вороны, стрекозы. В тёплых заболоченных лагунах

плескались и булькали первые четвероногие, похожие на крокодилов в панцирях. А в глубоких морях плавали рыбы, похожие на акул, но тоже закованные в панцири из костяных чешуй.

Шло время. Моря постепенно мелели. Одни части суши становились горами, другие опускались и образовывали новые моря. Гигантский материк Пангеа покрывался трещинами и разламывался. Трещины за-

полняла вода. Вода их размывала. И каждая отколовшаяся часть древней суши медленно отъезжала от других. И сегодня это движение продолжается.

Но сегодня на помощь природным силам пришёл человек. Он тоже создаёт новые моря и прорубает ущелья, засыпает заливы и увеличивает сушу. Много переделывает человек по-своему: и лицо Земли, и природу, и климат. Я думаю, что если ты спросишь у взрослых о переменах, которые произошли в вашем крае, они расскажут тебе немало интересного.

Фонарь, зажжённый внутри земного шара

С тех пор, как Альфред Вегенер выдвинул свою гипотезу, прошло не так много времени. Но сколько произошло изменений...

Прежде всего изменились наши представления о том, как устроена Земля внутри. Нет, нет, мы не сумели добраться до самого ядра непосредственно, но мы научились разглядывать то, что скрыто от глаз, проникли в глубины разумом. И вот как это получилось.

Замечательный русский учёный Борис Борисович Голицын сказал: «Я знаю, как разглядеть внутреннее строение Земли. Нужно изучать землетрясения, потому что они, как фонарь, зажжённый внутри земного шара, освещают его недра...»

Ты спросишь, как может землетрясение что-то осветить? Землетрясение — страшное бедствие, несчастье для людей, как же можно сравнивать его с фонарём? Но не торопись, давай сначала подумаем.

Отчего может земля тряхнуться? От какого-нибудь удара, например. Случится где-то под землёй обвал в большой пещере, или вода встретится с огнём, произойдёт взрыв, извержение, вот тебе и удары... От места удара в разных направлениях побегут по земному шару волны землетрясения. Они-то и разрушают дома, дороги, образуют трещины и создают в океанах новые острова.

А теперь давай сделаем маленький опыт. Приложи ухо к поверхности стола и постучи рядом: «тук-тук-тук...» Слышишь? Даже очень хорошо, правда? Это потому, что удары-толчки отлично передаются твёрдой крышкой стола и попадают прямо в ухо.

А вот второй опыт. Подложи под ухо подушку и постучи снова. Совсем другое дело. Почти не слышно. Звук от ударов-толчков замирает в мягкой подушке.

Выходит, что в твёрдом материале волны от толчков бегут одним образом, а в мягком — другим.

Изучая, как распространяются в земле волны землетрясений, учёные научились определять, какие вещества встречаются им на пути. Научились составлять карты внутреннего строения нашей планеты.

Как и во времена Альфреда Вегенера, современная наука уверена, что ядро Земли очень плотное, составле-

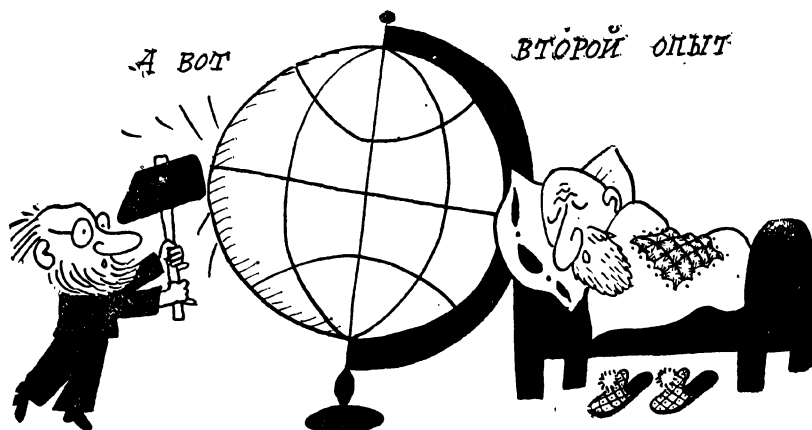
но из самых тяжёлых материалов. Но вот мантию Вегенер считал жидкой, расплавленной, а возможно, что она всё-таки твёрдая. Хотя в некоторых местах, может быть, и встречаются очаги расплавленной магмы. Твёрдое вещество мантии нагрето до такой высокой температуры, что имеет пластичный характер. Знаешь, как вар или застывшая смола. В таком веществе могут всё время происходить медленные вязкие течения. Сверху же земной шар действительно покрыт тоненьким слоем коры, на которой мы живём и из которой добываем полезные ископаемые.

Дуэль продолжается...

Разве могут части света расплываться друг от друга, как каравеллы, гонимые ветром? Да чтобы расколоть единый материк, а потом растащить его части в разные стороны, нужны такие могучие силы, что никакого притяжения Луны и Солнца не хватит... Конечно, отдельные участки земной коры могли либо подниматься и становиться при этом горами, либо опускаться, готовя место будущему морю. Так мог меняться рельеф Земли. Но чтобы материк плавал?! Посмотри на районы землетрясений и извержений вулканов. Ведь все эти грозные явления испокон веков происходят в одних и тех же местах... Нет, суша всегда оставалась на месте, всегда была зафиксирована в одном и том же районе земного шара на всю жизнь планеты!

Вот какую гипотезу выдвинули противники Вегенера после того, как изучили строение Земли по-новому. Их так и прозвали — фиксистами, то есть «неподвижниками» — сторонниками неподвижной земной коры.

Фиксисты считают, что в древности на поверхности земного шара были два материка-великана. Один — Северный, включавший в себя Северную Америку, Гренландию, Европу и северную часть Азии; другой материк — Южный. В Южный материк-великан входили: Бразилия, Африка, Индия и Австралия, кроме того, ещё и часть сегодняшнего дна

Индийского и Атлантического океанов. Со временем материка-великаны раскололись на части. Одни из них опустились и стали дном моря, другие поднялись.

Очень веские доказательства приводят фиксисты в защиту своей гипотезы. Но значит ли это, что сторонники «плавающих материков» сложили оружие?.. Как бы не так. В отличие от фиксистов их называют мобилистами. Это слово произошло от латинского «мобиль», что означает «подвижный». Мобилисты тоже приняли на вооружение самые последние достижения науки и спорят с фиксистами, не уступая.

— Конечно, — говорят они, — возможно, что и не было в прошлом единого праматерика-нашлёпки на земном шаре, а было их два или три. Возможно, что какие-то их части опустились на дно моря, а какие-то поднялись. Но при этом первоначальные материка-великаны обязательно раскололись. Что из того, что под корой нет огненно-жидкой магмы, по волнам которой могли бы расколовшиеся континенты расплыться в разные стороны? Зато под корой и верхней частью мантии находится слой, имеющий очень странное состояние. С одной стороны, он твёрдый. Настолько твёрдый, что проводит толчки от ударов землетрясений. Но с другой стороны, он нагрет и сдавлен так, что находится

в пластическом состоянии и по нему вполне могут плавать с небольшой скоростью огромные плиты земной коры с сидящими на них континентами. Так что — плывут материки. Плыли раньше, плывут и сегодня. Только медленно. Так медленно, что заметить это можно только с помощью самых точных геодезических наблюдений.

Так говорят мобилисты. Но и фиксисты не сдаются: «А вы докажете, — требуют они, — докажете, что материки движутся»...

Письмо в будущее

Совсем недавно в космосе появился ещё один искусственный спутник Земли — «Лагеос». Его название означает «Лазерный геофизический спутник». И предназначен он для того, чтобы наблюдать за движением материков. Это небольшой стальной шар, на поверхности которого укреплены 426 круглых зеркала. На эти зеркала попадают лучи лазеров с наземных станций, расположенных на одних материках, и отражаются световыми зайчиками на другие материки. Там их ловят, и они помогают учёным определить, с какой скоростью, например, Южная Америка «отъезжает» от Африки...

Ракета-носитель вывела «Лагеос» на высоту пять тысяч девятьсот километров. Здесь почти совсем нет воздуха, и спутник будет оставаться на

своей орбите очень и очень долго, может быть, даже миллион лет. А раз уж он такой «долгожитель», то похвалившие его учёные вложили в него «письмо в будущее» — небольшую пластинку из нержавеющей стали с рисунками. Одна под другой изображены на ней три карты мира: одна — какой была поверхность Земли сотни миллионов лет назад с единственным континентом-великаном. Другая — карта современной Земли. А третья — карта той планеты, какой станет, по мнению учёных, наша Земля ко времени окончания полёта спутника.

На третьей карте Австралия соединилась с Азией. Средиземное и Красное моря превратились в ог-

ромный залив Индийского океана, дно которого в некоторых местах поднялось и превратилось в крупные острова. А вот Панамский перешеек исчез. Над ним гуляют волны океана. И часть сегодняшней Калифорнии отделилась от Северной Америки.

Те, кто будут жить миллионы лет спустя, поймут «Лагеос», откроют и скажут, правильно или нет представляли себе судьбу планеты их пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-дедушки и пра-пра-пра-пра-пра-пра-бабушки, то есть мы с тобой.

Рис. Ю. Бочкарёва

— Слышу бедствия сигнал!
Человек в беду попал!
Кто-то там, внутри, сидит...

Вот он, доктор Айболит!
Он лекарство достанет,
Говорит: «Откройте рот.
Проглотите десять капель
И встречайте Новый год!»

— Что вы, что вы, Дед
Мороз!
Я нисколько не замёрз.
Не волнуйтесь! Всех
болящих
Я опять готов лечить!
Потому что белый ящик
Наш чудак забыл включить!

СЛОЖИТЕ ПОСЛОВИЦУ

Пума, пуховик, рота, шорты,
подвиг, бал, пучок, шелест.

Возьмите из каждого слова по две смежные буквы с таким расчётом, чтобы из выбранных вами букв сложилась русская народная пословица.

Проверь себя

[Ответы к «Искорке» № 11]

ЦИКЛОКРОССВОРД

1. Нумизмат. 2. Сердолик. 3. Мантисса. 4. Кингстон. 5. Пилигрим. 6. Полярник. 7. Зоология. 8. Симфония. 9. Дровосек. 10. Занзибар. 11. Детектив. 12. Керамика. 13. Камуфляж. 14. Оперетта. 15. Спиннинг. 16. Марганец. 17. Пассажир. 18. Лекторий. 19. Павильон. 20. Хамелеон. 21. Штандарт. 22. Ансамбль.

ПОСЛОВИЦА

Силён тот, кто валит, сильнее тот, кто поднимает.

МИНИ-РЕБУС

Репертуар = Ре + П + ер + Т у А + Р

Содержание

Елка. Стихотворение Людмилы Фадеевой	1
Тёмная комната. Окончание повести Валерия Попова . .	2
Магазин на Арбате. Рассказ Андрея Зверинцева	8
Рассказы Михаила Кононова .	15
Стихотворения Владимира Приходько, Вячеслава Андреева, Владимира Спящего, Сергея Сорокина	20
Знамя. Очерк Василия Островского	22
Стихотворения Сергея Скачкова	28
В будущее — на метро. Очерк Б. Сергеева	29
Декабрь. Стихотворение Ильи Фоякова	32
Братья. Окончание повести Валерия Воскобойникова	33
Рыцарский зал. Стихотворение Александра Кушнера	38
Дерево желаний. Окончание повести-сказки Уильяма Фолкнера	39
Письмо президенту. Заметки из Международной почты Бориса Никольского	48
Белая Марфа. Рассказ Василия Лебедева	49
Клуб «Олимпийский характер»	53
Как люди открывали свою землю. Глава из книги А. Томилиной	57
Рассказ в картинках и стихах Михаила Беломлинского, Льва Гаврилова, Вольфа Суслова «Где же доктор Айболит?» на стр. 27, 43, 47, 63 и на последней странице обложки.	

На 1-й странице обложки рисунок Ю. Шабанова — «Как на горе, на горе!».

На 2-й и 3-й страницах обложки — «Каникулы, каникулы — весёлая пора!». Фото ТАСС Н. Володина, А. Медведникова, О. Миронца.

Редактор Л. А. АНИЩЕНКО

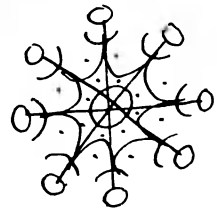
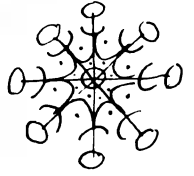
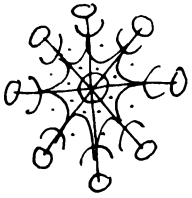
Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов, Н. А. Внуков, К. И. Курбатов, А. М. Млодик, Б. Н. Никольский, В. Н. Суслов, И. А. Туричин.

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 24.10 1979 г. Подписано к печати 14.12 1979 г. 4 п. л.
М-20285. Зак. № 341. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 55 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата.
191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

индекс 73735 цена 10 коп.

Здравник! Ёлка! Новый год!
Кто здесь пляшет и поёт,
Веселится от души?
Отгадай - и напиши!